

Драко

Райские птицы

Я учу вас о сверхчеловеке. Человек есть нечто, что должно превзойти. Что сделали вы, чтобы превзойти его? Все существа до сих пор создавали что-нибудь выше себя; а вы хотите разорвать эту великую цепь и скорее вернуться к состоянию зверя, чем превзойти человека?

Что есть обезьяна для человека? Посмешище или мучительный позор. И тем же самым должен быть человек для сверхчеловека: посмешищем или мучительным позором.

Вы совершили путь от червя к человеку, но многое в вас еще осталось от червя. Некогда были вы обезьяной, и даже теперь в вас больше от обезьяны, чем в любой из обезьян...

СМОТРИТЕ, Я УЧУ ВАС О СВЕРХЧЕЛОВЕКЕ!

Фридрих Ницше, «Так говорил Заратустра»

Глава 1

– Что вы знаете о драконах? – с легкой иронией спросила Ичивака, не отвлекаясь от созерцания себя в большом зеркале. Ее сказочные, искрящиеся, цвета морской волны волосы струились по плечам, изгиб тонких бровей был совершенен, высокий лоб свидетельствовал о незаурядном уме, точеное лицо и огромные, слегка вытянутые глаза довершали портрет редкой даже по местным меркам красавицы. О происхождении напоминали лишь смуглая кожа и выразительные, чувственные губы; такие черты безошибочно указывали на островитян. В остальном, облик Ичиваки был нейтральным, если так можно описать самую красивую девушку из всех, когда-либо виденных капитаном «Лихорадки».

«Безумие,» – промелькнуло в разуме Огрин. – «О чем я думаю?!»

– М– м– м... – он напряг волю, сопротивляясь чарам. – Драконы, драконы... Большие летучие ящерицы, если не ошибаюсь?

Ичивака метнула в его сторону такой взгляд, что на мгновение Огрин почти физически ощутил жар. Впрочем, сиреневые глаза островитянки тут же вновь обратились к зеркалу; оно привлекало Ичиваку больше других «чудес» на борту корабля.

– Итак, о драконах вы не знаете ничего, – заметила девушка, поправляя цветок лотоса в волосах. Он, да еще висевшая на груди живописная гирлянда из разноцветных листьев, составляли всю ее одежду, и это ничуть не помогало Огрину сохранять спокойствие.

– Простите, а... О них следует знать что-то особенное? – капитан вынул из пенала карандаш и принялся аккуратно, не поднимая глаз, его затачивать. Черт бы побрал Хельгу, могла бы и сказать гостье, что у землян не принято... Так...

– Вам трудно со мной? – голос Ичиваки внезапно прозвучал над самым ухом, и Огрин подскочил от неожиданности. Как ей удастся столь бесшумно ходить?!

– Мне? Нет, что вы, все хорошо! – капитан разом вспотел. – Я, э– э– э... Просто вымотался на работе. Нервная работа, много вопросов...

– Ваш запах говорит о другом, – с легкой улыбкой заметила девушка. Огрин

содрогнулся.

– Запах?

– Я другая, не забывайте, – Ичивака провела рукой по волосам. Казалось, следом за ее тонкими пальцами бегут волны искрящегося света. – Тиэррай до сих пор правит вами. Это плохо.

– Тиэррай? – растерянно переспросил Огрин. Девушка улыбнулась.

– Слово трудно перевести. У вас нет... похожего. Можно лишь объяснить, – Ичивака грациозно опустилась на ковер.

– Тиэррай, это когда облик заслоняет содержимое. Вы смотрите на меня, и в вас поднимается мужское желание, поскольку я напоминаю ваших женщин. Но это самообман, и вы должны с ним бороться, иначе... – девушка покачала головой. – ...вам будет очень трудно и опасно в нашем мире.

Огрин почувствовал, что краснеет как мальчишка. Чтобы скрыть смущение, он рывком поднялся из-за стола и подошел к иллюминатору.

– Простите, – сказал он после паузы. – Мы... Летели много лет, и...

– Это тиэррай, – мягко ответила Ичивака. – Вы по-прежнему думаете обо мне, как о женщине, но я другая.

Она поднялась с ковра и на сей раз позволила Огрину расслышать тонкий, едва уловимый перестук копыт. Когда она подошла, человек ощутил волну влажного тепла от ее грациозного, гармоничного тела и вздрогнул, когда изящная рука опустилась ему на плечо.

– Вам придется одолеть тиэррай, – шепнула девушка. Шерсть на конской половине ее тела отливала тем же сказочным перламутром, что и волосы, в хвост были вплетены жемчужные нити. Ичивака была фантастически красива.

– Тиэррай, – с натугой повторил капитан.

Девушка глубоко вздохнула.

– Я не могу обещать вам встречу с драконами, пока тиэррай столь силен. Это опасно и для вас, и для них.

Огрин несколько секунд осмыслял сказанное.

– Встречу с драконами? – переспросил он недоверчиво. – Здесь есть драконы? Настоящие?! Те самые... ящеры с крыльями?!

Ичивака ответила не сразу.

– Вам следует больше узнать о драконах, – сказала она наконец. – В вашем... корабле есть хранилище знаний. Обратитесь к нему. Когда мы встретимся в следующий раз, вы должны знать хоть что– то.

Тихий перестук копыт начал удаляться в сторону выхода. Огрин сглотнул.

– Постойте! – он обернулся и заставил себя спокойно взглянуть на феерическое существо напротив. – Вы так и не объяснили, зачем нам свидание с драконами.

Ичивака загадочно улыбнулась.

– Когда мы встретимся в следующий раз, – повторила она негромко, – Вы уже будете знать ответ.

Кентаврия ушла, и в каюте словно потемнело. Некоторое время Огрин молча стоял у иллюминатора, заново переживая странную беседу. Да– а, скажи ему кто всего месяц назад, что в результате самого рискованного и самого героического путешествия, когда– либо предпринятого людьми, он будет, как подросток, глазеть на обнаженную женщину, которая, к тому же, наполовину лошадь?! Огрин содрогнулся. Его практичный, цепкий ум до сих пор отчаяно сопротивлялся, запрещая разуму верить глазам, беззвучно крича – «невозможно!». Но в этом мире возможно было все.

Взгляд Огрин случайно скользнул по старомодной книжной полке у двери, и задержался на пурпурном корешке с золотым тиснением. Помолчав, капитан с силой потер подбородок.

– Хельга, Яускас, Бьорн, зайдите ко мне, – негромко произнес он, дотронувшись до сенсора терминала. Книга жгла ему глаза. Неужели случайность?.. Именно эта книга. Именно здесь.

Повинуясь внезапному импульсу, Огрин подошел к полке и взял «Марсианские хроники». Интересно, живут ли тут эльфы? Смуглые и золотоглазые?

Его передернуло. Впору уж думать, что корабль погиб где– то в космосе, а

невозможное вокруг... Но Огрин был слишком упрям, чтобы принять подобное. Его сжигала потребность найти рациональное, логичное объяснение всему, что происходит. И рано или поздно он найдет. У всего есть причины. У всего есть смысл. Даже у обнаженных четвероногих красавиц с жемчужными нитями на хвосте...

– Друзья, – сказал он, когда офицеры собрались. – Надо принять решение.

Космонавты расселись по креслам. Некоторое время царила тишина, начать разговор никто не решался: Ичиваку видел не только капитан. Ее странный, неуловимый аромат до сих пор сохранялся в каюте.

– Яускас, – Огрин наконец собрался с мыслями. – Вы биолог. Вы больше любого из нас знаете о законах развития жизни. У вас есть теории?

Невысокий, полноватый, с окладистой черной бородой и давно нечесанной гривой таких же волос, всегда энергичный и веселый Яускас сегодня казался необычно тихим.

– Чтобы ответить на ваш вопрос, не нужно быть биологом, – он развел руками. – Вы ведь и сами все понимаете, капитан.

– Нет, не понимаю, – возразил Огрин. – Я только вижу, но не понимаю. Вижу кентавров, фей, гномов, а что было вчера, мы все помним, не так ли?

– Беккер клянется, что встретил в лесу единорога, – вставил Бьорн. – Говорит, был слишком потрясен, чтобы сфотографировать.

– Сегодня Ичивака обещала познакомить меня с драконами, – тяжело произнес капитан. – Яускас, я не спрашиваю, каким образом на только что открытой планете может существовать гибрид земной девушки и земной лошади. Я готов верить, что подобное существо возможно, и даже возникло здесь самостоятельно, в процессе эволюции. Но я не могу, не имею права верить, что в семи парсеках от Земли, на совершенно чужой планете, случайно появилась точная копия нашей, человеческой мифологии.

– Средневековой европейской, – уточнила Хельга, сухая, всегда подтянутая и прямая, как палка, глава медицинской службы. – И скажите за это спасибо. Если б мы угодили в шумерскую мифологию, или в мир духов майя... – она свирепо улыбнулась и резким, отрывистым движением чиркнула ладонью поперек горла.

Яускас опустил голову, сцепил руки на пухлом животе.

– Я много размышлял, – признался он. – Меня даже посетила страшная мысль, что, быть может, мы не долетели до цели...

– Эта мысль посещала всех нас, – резко оборвал Огрин. – Проверить ее невозможно, и мы должны исходить из теории, что живы и видим то, что видим.

– Тогда будем логичны до конца, – серьезно ответил биолог. – Самое простое объяснение – все, окружающее нас, взято из нашего же воображения и каким– то образом материализовано. Увы, это невероятно, поскольку в таком случае местные жители общались бы на одном из языков Земли.

– Согласен, – кивнул Бьорн. – Кроме того, мы видели животных, которых на Земле ни в одном мифе не встречалось. Да и в остальном множество расхождений, взять хотя бы кентавров...

– Именно, – Яускас развел руками. – Я взял у Ичиваки немного крови на анализ. Она действительно кентаврия, самая настоящая, и ее генотип просто поразителен! Создать подобное на основе наших фантазий... Нереально. Немыслимо. В ее геноме есть следы избыточных пар, остатки рецессивных мутаций, подозреваю – там встретятся и скрытые дефекты, способные проявиться как болезнь. Это однозначно говорит о естественном, эволюционном развитии.

– Яускас, – Огрин подался вперед. – Я верю, что кентавры могли развиваться на этой планете самостоятельно.

– Не могли, – резко ответил биолог. – Значительная часть хромосом Ичиваки полностью идентична нашим. Подобное совершенно невозможно, Огрин. Вы просто не понимаете, о каких мизерных шансах идет речь. Совпадение даже одной хромосомы у двух видов, возникших на разных планетах – событие столь же вероятное, как, скажем, случайное превращение Луны в головку сыра. Дело не только в кентаврах, да весь местный биоценоз – аналогичен земному, во всех деталях! Морфология, биохимия, набор видов, совпадений слишком много, чтобы перечислять!

Яускас оглядел собравшихся.

– Как ученый, я заявляю с полной ответственностью: жизнь и на Дуагее, и на Земле, возникла в одном и том же месте, прошла одну и ту же эволюцию, и до сих пор практически идентична. Дуагея не просто обитаемая планета; это, если хотите,

альтернативная версия Земли. Вплоть до субмолекулярного уровня.

Огрин с силой потер подбородок.

– Ясно, – он вздохнул. – Что ж, принимаем гипотезу Яускаса за базовую. Мы попали на Землю, только в другой реальности.

– Отнюдь, – возразил Бьорн. – Я понимаю чувства коллеги, но, как физик, заявляю с не меньшей ответственностью: Дуагея – не Земля. Здесь даже гравитация отличается, не говоря уж о химическом составе коры и атмосферы. А очертания материков? Спектр звезды? Наконец, если это Земля, то где Луна?

– Без Луны жизнь никогда не покинула бы океаны, – вставил Яускас. – Попробуйте – ка это объяснить!

Капитан стиснул зубы.

– Я лишь пытаюсь понять. Не сойти с ума.

– Как и все мы, Огрин, – заметила Хельга.

Они помолчали.

– В общем, так, – сказал наконец капитан. – Мы на чужой планете. Обитаемой. С разумной жизнью. Точка. Нам придется забыть о сходстве местных жителей с нашими мифами. Это просто совпадение. Точка. Отныне и впредь действуем только по инструкциям. К счастью, нас готовили к первому контакту, и готовили основательно, не правда ли?

– Будь я проклят, если готовился к такому, – пробурчал Бьорн. Огрин метнул в его сторону свирепый взгляд.

– Осьминоги, муравьи или бесплотные шары плазмы в качестве разумных обитателей понравились бы вам больше?

– Да, – жестко ответил физик. – Их можно понять и изучить. А как прикажете воспринимать светящуюся крылатую девушку размером с пачку сигарет? Выходит, в объем не больше наперстка можно вместить такой же мозг, как у меня? При полете местные феи за час расходуют гораздо больше энергии, чем содержится в тонне нектара! Я не разбираюсь в генетике, но хорошо знаком с законами физики!

Хельга фыркнула.

– Магия, дорогой Бьорн, законам физики не подчиняется...

– Хватит! – Огрин обрушил ладонь на стол. – Мы должны принять решение!

Как я уже сказал, отныне действуем только по инструкциям. Это приказ. Удаляться от корабля за пределы прямой видимости, даже группами – запрещено. Самостоятельно вступать в контакт с аборигенами – запрещено. Носить любое оружие, кроме парализующего – запрещено! Советую перечитать разделы устава, посвященные контакту с разумной жизнью.

Он встал на ноги.

– Каждый из вас должен провести совещание с членами своего отдела и передать новые директивы. Впредь, пока обстановка не станет более понятной, я ввожу на борту состояние тревоги шестого класса. Яускас, вы назначаетесь ответственным за все контакты с аборигенами; соберите группу из пяти– шести специалистов и подготовьте их.

– Почему я?! – всполошился биолог.

– Потому что вы ученый, и привыкли видеть за обликом суть, – спокойно ответил капитан. – Вам будет нетрудно одолеть тиэррай.

Глава 2

От раскаленной на солнце обшивки тянуло жаром. Звездолет стоял у самой кромки могучего леса, на высоком берегу, резко обрывавшемся в океан, простиравшийся вдаль насколько хватало глаз. Предварительная съемка с орбиты показала, что остров, где Огрин решил совершить посадку, почти необитаем, и риск повредить деревни аборигенов здесь минимален. Никто не ожидал, что местные жители почти мгновенно обнаружат гостей.

Огрин стоял в десяти метрах от корабля, среди деревьев, вдыхал запах свежей травы и чувствовал – всей душой – что он дома, на Земле. Сходство было поразительным. Буквально в каждой еловой иголке, в каждой травинке узнавались родные формы. Яускас прав, смешно полагать, что это случайность.

Камеры с оставшегося на орбите разгонного модуля ежедневно обновляли карту планеты. Дугаея была весьма населенным, однако удивительно «деревенским» миром – крупных городов имелось меньше десятка, подавляющее большинство аборигенов – всех рас – жили в небольших поселках, как правило, разбросанных вокруг огромных, сказочно красивых готических замков, окруженных плодородными полями. Стран, как таковых, не существовало вовсе; единообразие культуры и языка на всех материках было весьма подозрительным.

Но еще подозрительнее был покой. Абсолютный, неестественный мир, царивший решительно везде. Это могло показаться идеальной гармонией, но Огрин хорошо помнил средневековую Землю, а в последние дни усиленно изучал мифологию и эпос разных народов. И чем больше он изучал, тем яснее понимал: Дугаея была раем.

Утопией, досконально проработанной, выверенной в мелочах, абсолютно совершенной, способной подарить столетия счастливой, интересной и при этом безопасной жизни любому своему обитателю. Утопией настолько идеальной, что, как ни странно, до сих пор на борту звездолета не возникали конфликты, связанные с нежеланием возвращаться домой. Люди восхищались, поражались, изумлялись – но подсознательно ощущали всю неестественность и надуманность этого мира. Огрин почти физически чувствовал легкий аромат тревоги, напряжения, царившего в воздухе.

«Что же мы за существа такие?» – думал он, стоя по колено в траве. – «Вот он, рай – мечта во плоти! Чего же нам нейдет, почему не верим?»

– Наверно, память мешает, – очень серьезно ответил молодой женский голос сзади.

Капитан не вздрогнул; опасных встреч в этом мире просто не было. Спокойно обернувшись, он с силой втянул воздух, чувствуя, как сердце начинает судорожно колотиться. В паре шагов от человека, в тени разлапистой ели, на траве лежал дракон.

Он вовсе не казался огромным, хотя размерами, вероятно, не уступал слону. Изящный – самое правильное слово. Обычно, думая о драконах, каждый мысленно представляет некоего «зверя», но это существо сразу вызывало мысли о птицах. Грациозный и хрупкий на вид, начисто лишенный «массивности», присущей

крупным животным, лазурно– белый дракон чем– то напоминал лебедя, хотя полупрозрачные крылья, сверкавшие над ним, не имели перьев, а граненая клиновидная голова отличалась типично змеиным холодным совершенством.

Чешуя дракона поражала; белые и лазурные чешуйки образовывали сложные узоры, бежали двумя сверкающими полосами вдоль шеи, растекаясь по груди, будто поток ртути, переплетаясь на боках, за крыльями, до самого хвоста. Лазурные чешуйки отражали свет, как маленькие зеркальца, а белые совсем не блестели, в результате узор чешуи создавал фантастическое впечатление, будто совершенно белый дракон облачился в зеркальную облегающую кольчугу из полированного металла. Но самой удивительной во внешности крылатого создания была грива – гладкая, длинная, перламутровая, цвета слоновой кости, очень похожая на волшебные волосы Ичиваки. Кроме гривы, волосы тянулись еще и вдоль задней стороны лап, словно бахрома, и тонкой лазурной полоской ниспадали по шее, от подбородка до груди, где разветвлялись, повторяя узор чешуи.

Существо было так прекрасно, что Огрину потребовалось напрячь волю, чтобы убедить себя в его реальности. Вскоре шок от встречи слегка отпустил, и взгляду стали открываться менее заметные детали. Теперь человек видел, что, относительно тела, точеная голова дракона гораздо крупнее, чем у обычных рептилий, а глаза не имеют ничего общего с безжизненными змеиными стекляшками, напоминают кошачьи и обладают ресницами; сказочно гладкая чешуя на самом деле не такая уж гладкая, и узоры в действительности призваны скрывать мощные, буграми выступавшие на поверхность мышцы, которыми были опутаны и крылья, и лапы, и шея, и хвост дракона. Маленькие прямые рога, будто покрытые перламутровой синей глазурью, сильно отклонялись назад и явно несли лишь декоративную функцию, как и гребень небольших шипов вдоль позвоночника. А вот черные когти, видневшиеся на передних лапах дракона, выглядели чем угодно, только не украшением...

Огрин с трудом взял себя в руки и перевел дыхание. Дракон – или драконица, если конечно голос мог что– то значить – молча ждала, пока пораженный человек ее разглядывал.

– З– з... здравствуйте, – сумел наконец выдать капитан. – Я Огрин,

предводитель... пришельцев. Мы гости вашего мира... – он запнулся, – ...но вы, наверное, уже знаете?

– Знаю, – отозвался дракон. В его янтарных, сказочно глубоких глазах на миг скользнула веселая искорка – ничем не объяснимое и даже не осязаемое явление. Подобным искусством из всех существ владеют лишь земные кошки; разговор простым взглядом, движением спины, наклоном головы... Кошка дает знать о своем настроении – чем? Как? Понять невозможно, однако нельзя и ошибиться.

– Вы хотите узнать мое имя, – заметил дракон все тем же молодым женским голосом. – Его трудно перевести. Наш язык гораздо эффективнее вашего расходует полосу пропускания звукового диапазона, поэтому у нас принято давать сложные имена описательного типа.

От неожиданности Огрин моргнул.

– Полоса пропускания?.. – он облизнул губы.

– Да, вы удивлены, – дракон прищурил глаза и легонько наклонил голову. – Не делайте поспешных выводов. Сейчас я говорю на языке землян, поэтому вынуждена пользоваться вашими терминами. А знание принципов, на которых зиждется природа, вовсе не достаточное условие для всех тех предположений о драконах, которые вы сейчас строите.

Огрин помолчал, обдумывая слова крылатой.

– Встреча с вами стала большой неожиданностью для меня, – сказал он после длительной паузы. – Ведь о существовании драконов нам стало известно лишь этим утром. Я рад и... восхищен встречей. Надеюсь, посадка корабля никому не доставила трудностей.

Драконница слегка опустила голову, грациозно изогнув шею.

– Вы считаете меня красивой, – протянула она задумчиво. – И это не тизэрай. Ваше понимание красоты не привязано лишь к привычным образам. Меня информировали неверно.

Огрин лихорадочно размышлял.

– Вы читаете мысли?

– Нет, – в голосе драконессы прозвучало легкое веселье. – Я читаю вас.

Она склонила голову еще ниже.

– Никакой магии, – спокойно заметила крылатая. – Просто комплексная обработка данных. Внешность, запах, движения, реакция зрачков, подсознательные сокращения лицевых мышц, распределение крови по капиллярам, биоритмы мозга и многое, многое другое.

Огрин помолчал.

– Ясно. Да, я считаю вас сказочно красивой, однако образы, из которых складывается ваш облик, каждый по отдельности, они знакомы всем людям с детства. Вы грациозны, как юная пантера, изящны как лебедь, прекрасны, как райская птица... Галерею сравнений можно продолжать долго.

– Ассоциативное восприятие? – уточнила драконица. – Вы мысленно разлагаете незнакомый объект на знакомые составляющие, и если большинство из них отвечает вашим критериям красоты...

– ...мы видим красоту, – закончил Огрин.

Драконица опустила одно из крыльев и провела им по траве. Капитан восхищенно вздохнул: по прозрачной перепонке тонкой, неуловимой вязью скользнула целая росыпь искр.

– Интересно, – задумчиво произнесла крылатая. – Предположим, я выглядела бы так же, как сейчас, но пахла бы ужасным, бесконечно противным человеческому обонянию запахом. Как действовал бы типичный человек?

Огрин улыбнулся.

– Вероятно, он восхищался бы вами издали, горько сожалея, что столь совершенное создание обладает таким недостатком.

– Недостатком? – драконица прищурила один глаз. – А если запах требуется драконам, чтобы однозначно идентифицировать особь в крупной колонии, помогает детям не теряться, привлекает партнеров в период спаривания, и в целом играет важную роль в нашей жизни?

– Вы спросили, как поступил бы типичный человек, – заметил Огрин.

– Это и в самом деле типично?

Капитан вздохнул.

– Я хотел бы сказать «нет»...

– ...но предпочитаете неприятную правду сладкой лжи, – закончила крылатая.

– Умный поступок. При любой интерпретации ваших мотивов, он характеризует вас как более развитое существо, по сравнению с типичным человеком, и делает привлекательней для контакта.

Она грациозно привстала на левой лапе, приложив правую к груди.

– Можете звать меня Тау. Я женского рода, как вы и предполагаете.

Огрин вежливо склонил голову, размышляя, достаточно ли драконы изучили землян, чтобы понять этот жест.

– Я счастлив познакомиться с вами, Тау.

Драконница вновь улеглась в траву и сложила крылья на спине сверкающим покрывалом.

– Ваше появление удивило нас, – сказала она негромко. – Мы не ждали гостей с Земли в этом тысячелетии.

Огрин чуть не поперхнулся.

– Вам... – он сглотнул и начал снова – Вам... известно о Земле?

Тау прищурила глаза.

– Прежде, чем выходить из корабля без скафандра, вы, несомненно, тщательно изучили нашу биосферу. Неужели ваши ученые верят, что на двух планетах может самостоятельно возникнуть фактически одинаковая жизнь?

Потрясенный капитан молча смотрел на крылатое существо. Долго смотрел.

– Ваши слова объясняют сразу все загадки этого мира, – сказал наконец Огрин. От волнения его голос прозвучал хрипло. Драконница слегка приоткрыла пасть и растянула тонкие чешуйчатые губы в весьма точном подобии улыбки.

– Я бы не делала столь поспешных выводов, – заметила она весело. – Ведь вы даже не знаете, где жизнь зародилась раньше – здесь или на Земле.

– Так здесь или на Земле? – спросил Огрин.

– У вас есть вся информация, чтобы догадаться, – спокойно ответила Тау.

Повисла тишина.

– Луна, – внезапно сказал капитан. – Дугея лишена спутников. Жизнь здесь никогда не покинула бы океаны самостоятельно.

Драконница легонько наклонила голову на бок.

– Быстро.

– Так я прав? – от волнения Огрин с трудом дышал. – Вы земляне?

Тау задумчиво перебрала когтистыми пальцами.

– Сложности с развитием сухопутной жизни на Дуагее вовсе не означают, что жизнь была доставлена сюда с Земли... Но, в некотором смысле, да, вы правы.

– Как давно? – капитан невольно шагнул вперед. – Кто и когда заселил Дуагею? Они... Тоже были землянами?

– Оставьте хоть парочку вопросов для наших следующих бесед, – весело отозвалась Тау.

Огрин перевел дыхание.

– Кто перенес сюда драконов? – тихо спросил он. – Я чувствую в вас огромный интеллект и поразительное знание. Это не вяжется с уровнем развития местного общества, вы словно с другой планеты.

– А если так и есть? – серьезно спросила драконица.

– Нет. Будь вы пришельцами, вы не смогли бы интегрироваться в земную биосферу.

Тау улыбнулась.

– Смелое заявление для представителя расы, до сих пор не вступившей в контакт ни с одним разумным видом за пределами родной планеты. А что, если драконы способны гибко приспосабливаться к любым условиям? Что, если наша наука умеет легко изменять тела, геном, обмен веществ и биохимию? У вас слишком мало информации, Огрин, и чересчур буйная фантазия.

Она прищурила яркие глаза.

– Вы ведь даже не спросили, дракон ли я.

– Но... – удивленный человек шагнул назад.

– Что? – улыбнулась Тау. – Вы сказали, что лишь этим утром узнали о существовании драконов. Но почему вы решили, что я и есть дракон? Только лишь из-за внешности, сходной с земными мифами? А вдруг перед вами абориген Дуагеи, способный к мимикрии? Или осьминог в биомеханическом скафандре? Что, если драконами здесь называют пушистых древесных зверьков?

Огрин медленно покачал головой.

– Вы допустили ошибку. Еще до того, как я назвал вас драконом, вы сделали

это сами, заметив, что я тороплюсь строить о драконах предположения.

– Разве? – в глазах крылатой красавицы вновь мелькнула веселая искорка. Огрин запнулся; несколько секунд размышлял.

– Простите, – сказал он после паузы. – В действительности, ошибку допустил я. Вы обратили внимание, что я строю предположения о драконах, но из этого никак не следует, что сами себя вы считаете таковым.

Капитан со вздохом развел руками.

– Вынужден согласиться: нет ни единого доказательства, что вы дракон, о которых нам сообщили утром. Более того, я понимаю всю нелепость и нелогичность сопоставления вас, высокоразумных инопланетян, с примитивными и, нередко, кровавыми земными сказками. Но все же, осмелюсь заметить: с эмоциональной стороны, субъективно, вы для меня – изумительно красивая драконесса, даже если самоназвание вашего вида иное. Таковы уж мы, люди, – Огрин грустно улыбнулся – Иногда судим разумом, иногда сердцем.

Тау привстала на передних лапах и приняла позу сфинкса, вытянув мощные задние ноги в сторону.

– Замечательно, – сказала она негромко. – Вы и в самом деле изменились.

– Изменились в сравнении с чем? – напряженно спросил Огрин.

Вместо ответа драконица окинула человека внимательным и очень добрым взглядом, растянула чешуйчатые губы в улыбке и беззвучно, словно мираж, растворилась в воздухе. Лишь трава, примятая ее могучим телом, да слабый миндальный запах, свидетельствовали, что встреча не была наваждением.

Огрину потребовалось немало времени, чтобы придти в себя, обнаружить видеокамеру на запястье выключенной, обругать себя пушистым древесным зверьком и вернуться в корабль. Встреча с драконицей настолько потрясла человека, что он не

обратил внимания даже на странную тишину, царившую в звездолете.

Довольно долго капитан одиноко сидел в каюте, заново переживая сказочное приключение. Все существо Огрин охватило странное ощущение покоя, умиротворенности, будто он только что завершил многолетний упорный труд и, впервые, смог оценить его результаты. Огрин вдруг вспомнил, что уже много месяцев, с последней коррекции траектории, не брал в руки кисть; ему неудержимо захотелось рисовать. Вскочив, капитан стремительно подошел к стене и включил мольберт.

Сердце затрепетало в предвкушении одного из самых изысканных наслаждений, знакомых человеку. Дар творить, воплощать мечты наяву, доступен столь немногим, что большинство о нем даже не задумываются; к счастью, бесталанных на борту звездолета не было. Огрин, астроштурман по образованию, был в молодости более известен как автор «Трех Грай», серии пейзажей Земли, написанных так, как их могли бы воспринимать пришельцы, видящие в иных диапазонах и с другим оптическим строением глаз.

Но сейчас ему лишь хотелось вновь узреть Совершенство. Порыв вдохновения был так силен, что Огрин даже не размышлял над композицией будущей картины, не представлял ее в уме, не гадал; его кисть, будто ведомая извне, многоцветной кометой заметалась над мольбертом.

Он забыл о дыхании, не смотрел на часы. С каждой минутой картина обретала форму. Горизонт, восходящее солнце – его лучи пронзали весь небосклон, веером света от спящей оранжевой точки. Воображение, почему– то, избрало тревожную тему: ствол дерева, почти горизонтально над бездной, тянущий руки– ветви к неведомому подножью. Далеко внизу, насколько хватало глаз, призрачным морем стелились облака, свет солнца красил их мягкие спины в пурпур.

У края пропасти, одним копытом на дереве, стояла Ичивака. Огрин еще не видел ее такой – полной энергии, трепещущей от желания узнать, что там, за туманом? Рядом с девушкой, любопытная и жизнерадостная, под кистью рождалась драконесса: ее искрящийся образ возникал сам собой, безо всяких усилий.

С начала работы едва миновало пять часов, а картина уже потрясала воображение. Огрин сам не ожидал, что получится так хорошо; уставший, но

счастливый, он продолжал рисовать детали, оттачивать игру света и тени на зеркальных чешуйках. Работа так его поглотила, что он даже не обратил внимания, когда в дверях появилась костлявая, долговязая фигура Хельги. Пару минут женщина молча смотрела на картину, стоя за спиной капитана. Затем сухо, с напряжением в голосе сказала:

– Пропало семнадцать человек.

Огрин так вздрогнул, что чуть не уронил кисть. Сглотнув, он страшным усилием воли вернулся в реальность и обратил взгляд на врача.

– Как пропало? – переспросил, не веря.

– Семнадцать человек, – с надрывом повторила Хельга. – Исчезли прямо из своих кают. Просто растворились в воздухе. Внутренний мониторинг все зафиксировал.

Капитан ощутил, как палубу выдернули из под ног. Хрипло вскрикнув, он отпрянул, сжал кулаки и закусил губу.

– Операторы? – спросил после паузы. – Астрофизики?

Хельга медленно покачала головой.

– Ни одного критичного специалиста. Шесть мужчин, однанадцать женщин. В основном, из отдела гидропоники.

Огрин сильно вздрогнул.

– Тогда их могут не вернуть...

– Мы тоже так считаем, – Хельга опустила взгляд. – Логичный поступок: забрать максимальное число образцов, и в то же время оставить нам шансы вернуться домой.

Капитан до посинения стиснул пальцы.

– Они должны прекрасно знать не только устройство корабля, но и профессию каждого из нас, и его роль в команде!

– Безусловно, – кивнула Хельга. Огрин ударил кулаком по ладони:

– Тогда в чем смысл нападения?!

– Понятие «смысл» придумали люди, – возразила врач. – Не поддавайтесь тиэррай, Огрин. Собирать образцы новых видов – поступок рациональный, в отличие от нелогичного человеческого стадного чувства. В действительности, – она дрожащей

рукой поправила очки, – Теперь у нас меньше поводов беспокоиться за корабль. Нам ясно дали понять, что гибель экспедиции им не нужна...

Скрипнув зубами, капитан рубанул воздух кистью.

– Соберите офицеров в шлюзовой. Пусть принесут скафандры.

– Но не оружие? – с тревогой уточнила Хельга. – Поверьте, толку от оружия не будет!

Капитан заставил себя кивнуть.

– Да... Без оружия. Постараемся объяснить аборигенам, что стадное чувство имеет для нас большое значение.

Молча покачав головой, сухая как палка женщина развернулась на каблуках и зашагала к выходу. Огрин, тяжело дыша, прижался лбом к холодной стене. Взгляд остановился на картине, сиявшей над виртуальным мольбертом. Драконесса... Такая прекрасная, мудрая, совершенная!

– Почему? – прошептал Огрин, отчаянно молясь об ответе. – Почему?!

Ответа не было. Около минуты капитан собирался с силами, лихорадочно размышляя над своими дальнейшими действиями. Прежде всего, логика: нападение произошло сразу после встречи. А драконы, весьма вероятно, являются самыми развитыми жителями Дуагеи, как минимум не уступая землянам в интеллекте и уровне знаний.

«...он восхищался бы вами издали, горько сожалея, что столь совершенное создание обладает таким недостатком...» – вспомнил Огрин. Можно ли считать недостатком иную психологию? Логично ли воспринимать случившееся как нападение?

«У вас слишком мало информации, Огрин, и чересчур буйная фантазия» – мягкий, приятный голос Тау прозвучал как наяву. Капитан с силой перевел дух. Она права – сказал он себе. Информации слишком мало.

Решительно повернувшись, Огрин быстро зашагал к лифту, но тут же застыл на месте. В памяти ярко, сочно, возникла полянка, залитая теплым светом, легкий ветерок, аромат цветов – и бесконечно глубокие, мудрые глаза драконессы.

«У вас есть вся информация, чтобы догадаться»

– Небо... – прошептал Огрин.

Глава 3

Четверо бледных, напряженных людей стояли перед шлюзом. Потный Яускас ежесекундно протирал глаза платком, его руки заметно дрожали. Хельга и Бьорн, в одинаковых защитных скафандрах, молча смотрели на приближающегося Огрин. Четвертый офицер, молодая Ксения из отдела гидропоники, нервно крутила в пальцах хризантему – почти все пропавшие работали в ее ведомстве. Когда капитан подошел к группе, она заговорила первой:

– Мы не осилим обратный полет с такой нехваткой кадров, – бледная Ксения мяла хризантему в руках. – Любое ЧП оставит корабль без воздуха...

– Тише, – Огрин обвел офицеров быстрым взглядом. – Я думаю, людей скоро вернут.

Хельга встрепенулась.

– Вы что– то узнали?

– Догадался, – губы капитана тронула невеселая улыбка. – Друзья. Сам выбор похищенных свидетельствует, что аборигены досконально знакомы с кораблем и обязанностями команды. Любая мыслимая причина, зачем им могли потребоваться семнадцать образцов – при такой осведомленности – не выдерживает критики. Поэтому... – Огрин вздохнул, – ...я думаю, объект эксперимента вовсе не пропавшие космонавты, а мы.

Яускас отпрянул.

– Мы? – он запнулся, широко раскрыл глаза и резко, отрывисто кивнул. – Да. Это самое логичное объяснение.

– Нападавших интересует, как мыотреагируем на нападение? – хмуро уточнил Бьорн.

– Верно, – капитан вкрадце поведал о встрече с драконессой. – Я убежден: они более развиты, чем люди, и сейчас изучают землян столь же интенсивно, как мы – Дуагею. Каждое слово нашей беседы имело скрытый смысл; вне всякого сомнения, дракон Тау – их специалист по контактам, и в разговоре сознательно дал нам строго

отмеренную толику информации.

Хельга бросила на Огрину долгий, подозрительный взгляд.

– Допустим... – протянула она. – Да, вы скорее всего правы. С такой позиции их поступок выглядит логичным. Обставить похищение как рациональный выбор наименее важных особей в группе, самок вдвое против самцов, то есть пустить наши мысли в неверное русло. И в то же время дать альфа– особи малозаметный ключ к истинной разгадке...

– Так поступил бы компьютер, а не разумное существо! – горячо возразил Яускас.

– Мы ничего о них не знаем, – Бьорн мрачно покачал головой. – И не узнаем, стоя тут.

Огрин закусил губу.

– Считайте меня недалеким и смешным, – сказал он негромко. – Но я видел дракона, говорил с ним. Тау читала мои эмоции, как открытую книгу, она смеялась, жестикулировала и подмигивала – иначе говоря, пользовалась всеми человеческими сигнальными системами. Я не верю, что столь интеллектуальные существа не знают о психологии людей и нашей реакции на угрозы. Им должно быть известно, что похищение сделает нас враждебными, заставит искать пропавших товарищей и снизит шансы на успешный контакт.

Хельга медленно наклонила голову.

– Согласна, – отозвалась она спокойно. – Вы правы, капитан. Это тест на интеллект.

Яускас возбужденно потер ладони.

– Они дали нам оценить свой уровень развития, а затем расчетливо и в точно выбранное время осуществили враждебный, но бессмысленный акт. Следовательно, если мы достаточно умны, мы должны просчитать их мотивы и понять, что акт в действительности не был враждебным. Видимость скрывает сущность – тиэррай! Вот, что они проверяют!

Огрин кивнул.

– Точно. Тау сказала «меня неверно информировали», а чуть позже – «вы действительно изменились». Сейчас идет контрольный эксперимент.

Все переглянулись. Ксения, нервно сглотнув, подняла голову к капитану – она была значительно ниже его ростом.

– Что делаем?

Огрин глубоко вздохнул.

– Ничего, – сказал он твердо. – Расходимся по каютам и продолжаем обыкновенную вахту. Если за нами ведется наблюдение, а иного я и не жду – все пропавшие вернуться еще до конца смены.

Бьорн нахмурил брови:

– А если пройдет смена... За ней другая... Но никто не вернется?

Огрин закусил губу. Офицеры ждали решения.

– Что ж... – капитан отвел взгляд. – В таком случае, будем действовать по инструкции.

Все замолчали и разом, не сговариваясь, посмотрели на дверь шлюзовой камеры. Толстую, несокрушимую, многослойный композит из самых прочных материалов, известных человечеству.

Огрин чувствовал себя голым.

К тому времени, как офицеры вернулись на посты, все пропавшие вновь оказались в своих каютах. Огрин вызвал парочку для расспросов, но люди пораженно моргали – никто из семнадцати не заметил похищения, просто из их жизни неведомым образом выхватили один час. Тотальный медосмотр у Хельги также не выявил ничего подозрительного. Впору было решать, что весь экипаж «Лихорадки» подвергся внушению, но записи мониторинга подтверждали – похищение состоялось.

Бледный от тревоги, капитан расхаживал взад– вперед по каюте. Сценарии, которые он изучал в центре подготовки, предусматривали контакт с различными гипотетическими цивилизациями, в том числе и с приставкой «сверх–», но сейчас – Огрин криво усмехнулся – их авторы зашли бы в тупик. Дуагейцы владели силами, на десять порядков превосходившими все, известное человеку, но жили как дикари, не

пользуясь в быту фактически никакими орудиями. Их общество казалось верхом совершенства – однако всем до боли, до скрежета зубов было ясно, что, как и любому безупречно отлаженному часовому механизму, местной цивилизации для краха хватит и песчинки. Ни одно существо, даже звери, до сих пор не проявляли к гостям враждебности или элементарной настороженности! Казалось, вокруг сплошные...

Дельфины.

Огрин застыл.

Дельфины!

Задорные, умные, веселые и прекрасные. Дельфины обожают играть, любой незнакомый предмет в бассейне немедленно привлекает их внимание. Его бережно тыкают носом, осматривают, просвечивают эхолотом. Иногда пробуют на вкус. Любопытство, неистребимое, всеобъемлющее, нелогичное! Яркий оранжевый мяч–звездолет в дельфинарии размером с планету!

Только вот разумом здесь, похоже, наделены лишь дельфины. А жалкие, трясущиеся от страха креветки притаились в мяче и гадают, зачем в него тыкают носом.

– Дельфинарий, – Огрин облизал губы. Так и есть. Гигантский, великолепный бассейн, обустроенный по последнему слову техники, где милые существа обитают в довольстве и благополучии на радость...

...Зрителям?

– Яускас, срочно ко мне! – рявкнул Огрин, вдавив клавишу интеркома. Пока толстый биолог спешил к рубке, капитан нервно тербил подбородок.

– Садитесь! – приказал он, едва Яускас открыл дверь, и быстро поделился соображениями. Но биолог, как ни странно, загораться идеей не поспешил.

– Возможно... – протянул Яускас, задумчиво наморщив лоб. – Гипотеза не хуже других.

– А есть и другие? – с легкой иронией спросил капитан.

– Миллион и одна, – усмехнулся Яускас. – Вы же сами вывели у дракона о земном происхождении местной биосферы. Должен сказать, у меня прямо гора с плеч свалилась.

– Стоп, – Огрин покачал головой. – Тау ничего не говорила о биосфере. Она

сказала... – он зажмурился, вспоминая точную фразу – ...»сложности с развитием сухопутной жизни на Дуагее вовсе не означают, что жизнь была доставлена сюда с Земли, но, в некотором смысле, да, вы правы».

– И? – Яускас прищурил глаза.

– Из ее слов может проистекать что угодно, – невесело отозвался Огрин. – Начиная с забытых космических цивилизаций Земли и кончая галактической егерской службой, озабоченной сохранением каждого планетарного вида от катастроф вроде GRB или вспышек сверхновых...

Биолог покачал головой.

– Так можно далеко зайти.

– Еще бы, – Огрин рухнул в кресло и прижал ладони к вискам. – Продолжать научную программу полета после всего, что мы видели, кажется нелепым! Но вернуться, сейчас? Бросив все это? – он мотнул головой в сторону иллюминатора.

Яускас чуть не подпрыгнул.

– О возвращении не может быть и речи!

– Вот– вот, – капитан тяжело вздохнул.

– Почему бы не повторить встречу с драконом? – с тайной надеждой предложил биолог. – Вы, помнится, назначили меня ответственным за контакты.

Огрин пожал плечами.

– Боюсь, это решать не нам.

– Кентав... – Яускас запнулся, – Простите... Ичивака. Она ведь обещала устроить свидание.

Капитан качнул головой.

– В их деревне сейчас праздник. Я немного понаблюдал... в мониторах, – он нервно пробежался пальцами по столу. – Скажем так, в ближайшие дни наш визит оказался бы чудовищно не к месту.

– Что за праздник? – толстяк с громадным интересом подался вперед.

– Э– э– э... – Огрин покраснел. – Как я понял, период спаривания наступает у них лишь раз в год, и сейчас... В общем, вы поняли.

– Почему мне не предоставили записи?! – возмутился Яускас. – Кто здесь биолог, вы или я?!

– Биолог – вы, – коротко отозвался Огрин. – А дуагейцы не лошади.

– Лошади? – с недоумением переспросил Яускас. – Причем тут... – до него, наконец, дошло, и толстяк запнулся. Капитан вздохнул.

– Тиэррай. Удивительно емкое понятие, согласны?

Смущенный Яускас пробормотал что– то под нос, помолчал. Его взгляд остановился на картине, которая так до сих пор и висела над мольбертом. Присвистнув, биолог вскочил и подбежал к голограмме.

– Потрясающая работа! – он бросил на капитана недоверчивый взгляд. – Ваша?

Слегка смущенный, Огрин кивнул. Яускас восхищенно развел руками:

– Замечательно! Так вот, как они выглядят... – он впился взглядом в изображение драконессы. Хмыкнул, прищурился. – Рисунок похож на оригинал?

– Да, – нехотя отозвался Огрин. Его странно тревожило, что картину видят посторонние – какое– то нелепое, бессмысленное чувство, будто Яускас подглядел нечто глубоко интимное между ним и Тау. «Что за чушь?!» – Огрин вспылил сам на себя.

– Во всех деталях похож? – Яускас продолжал изучать драконессу.

– Насколько я сумел их передать, – чуть резче, чем требовалось, ответил Огрин. Биолог, к счастью, ничего не заметил – его целиком поглотила картина.

– Поразительно! – он обернулся к капитану – Можно приблизить? Вот тут, у лапы.

Кивнув, Огрин подошел к мольберту и коснулся сенсорной панели. Яускас возбужденно потер руки:

– Да, да... Еще немного... Стоп! – он торжествующе ткнул пальцем в голограмму. – Когти!

Огрин нахмурил брови.

– Когти, да.

Яускас моргнул.

– Как? Вы не понимаете?! – он недоверчиво оглядел капитана. – Дайте крупный план морды, пожалуйста.

– Лица! – Огрин чуть не сорвался. Тяжело дыша, он переместил изображение.

Биолог невозмутимо кивнул:

– Вот так, отлично. Смотрите, – Яускас указал на изящную, точеную, грациозно– хрупкую драконью голову. – Видите? Когти такого размера нужны хищникам для забоя крупной дичи с плотной, грубой шкурой. Но этими челюстями им не разорвать мяса, такая форма характерна для рыболовов и мелких насекомоядных, глотающих добычу целиком. Более того, рога! – Яускас резким жестом ткнул прямо в картину. – Рога, мой дорогой капитан, однозначный атрибут травоядного. Рогатых хищников в истории Земли известно лишь два – аллозавр и карнозавр, причем у обоих «рога» являлись всего лишь костяными наростами над глазами, и несли сугубо оборонительную функцию.

Огрин моргнул.

– Что вы пытаетесь сказать?

– Пытаюсь? – переспросил Яускас. – Я не пытаюсь. Я со всей ответственностью ученого заявляю, что перед нами химера.

– Химера? – капитан отпрянул.

– Искусственное существо, – пояснил биолог. – Такое же, как феи, гномы, кентавры, единороги, тролли и прочие дуагейцы.

Огрин резко поднял руку.

– Это невозможно. Вы сами говорили, что их гены настоящие!

– Говорил и могу повторить, – отрезал биолог. – Да, местные жители – настоящие, живые. И в то же время никто из них не мог возникнуть самостоятельно. Капитан, поймите: все, что эволюция способна пропустить сквозь жернова естественного отбора – уже обитает на Земле. И есть множество реальных, прозаичных причин, почему мы не видим вокруг кентавров и драконов. Если бы они отвечали эволюционным законам, они бы уже существовали!

Яускас отвернулся от голограммы и взглянул Огрину в лицо.

– Капитан, я понимаю ваши чувства. Но, как вы уже заметили, я ученый, и бороться с тиэррай – моя работа. – он скрестил на груди руки. – Вам придется отодвинуть эмоции и признать сухой факт: красота, что мы видим вокруг, гармония и совершенство целого мира, все это было специально разработано для нас, людей. Просто потому, что иначе оно не казалось бы нам совершенным!

Огрин кусал губы, нервно сжимая и разжимая кулаки.

– Но это нонсенс, – произнес он с трудом. – С начала торможения до выхода на орбиту прошло не более полугода, не станете же вы утверждать, что кто– то сумел за шесть месяцев сотворить это чудо, руководствуясь только нашими грезами?!

– Мир был создан за шесть дней, – пошутил Яускас, но яростный взгляд капитана заставил его побледнеть. Огрин рывком отвернулся к стене.

– Можете идти, – произнес он хрипло.

Яускас с тревогой положил руку ему на плечо:

– Огрин...

– Я все понял! – яростно бросил капитан. – Нет нужды повторять лекцию. При следующей встрече я спрошу Тау, рыбой она питается или насекомыми.

– Я вовсе не хотел обидеть, просто...

– Просто? – Огрин горько усмехнулся. – Просто хоронить мечту ваша работа?

Яускас отпрянул всем телом. С его лица мгновенно отхлынула кровь. Не сказав ни слова, он повернулся и вышел из каюты. Огрин в бешенстве обрушил на стену кулак.

Глава 4

Смена близилась к концу, но о сне не могло быть и речи. Даже капитан, обычно не одобрявший использование дримадола – препарат истощал организм – на сей раз принял его первым. Напряженные, встревоженные, свободные от вахты космонавты собирались в кают– компании, потерянно ходили по палубам, вполголоса обсуждали события. Четверо экс– похищенных, вместе с Хельгой, заперлись в медотсеке для глубинного зондирования белков; всех тревожила мысль, что людей подвергали неведомым, а потому еще более жутким экспериментам.

Не в силах ни спать, ни работать, Огрин перерыл в поисках «драконьей литературы» всю корабельную библиотеку, обнаружив лишь одно произведение по теме – роман двухсотлетней давности, «Гнев дракона» давно позабытого автора.

Среди его персонажей имелась драконица, чем-то сходная с Тау; зачитавшись, капитан даже вздрогнул от стука в дверь.

– Входите! – он отложил книгу. Гостем оказался астрогеограф Коул Беккер – тот самый, что утверждал, будто несколько дней назад видел единорога.

– Капитан, можно поговорить? – Беккер явно нервничал, его водянистые голубые глаза бегали по сторонам. Слегка встревоженный, Огрин кивнул.

– Разумеется. Садитесь.

Географ опустил в кресло и молча протянул капитану видеокристалл. Тот, нахмутив брови, бросил кристалл в приемник. Вспыхнувшая голограмма высветила контуры стройной, ажурной башни, весьма нетипичного для Дуагеи вида, слегка похожей на древнюю «космическую ракету», как их рисовали в детских книжках задолго до Фау и первого спутника. Широкая, конусовидная у основания, башня плавно утончалась к середине и вновь расширялась у вершины, образуя нечто вроде огромного цветочного бутона. Огрин помолчал, разглядывая снимок.

– Итак, в чем дело?

– Я провел спектральный анализ, – глухо ответил Беккер. – Это слоновая кость.

Капитан отшатнулся.

– Башня из слоновой кости?!

– Как в сказке, да? – Беккер криво усмехнулся. – Из-за сказки я бы не стал вас тревожить, Огрин. Сказки тут повсюду... – он нервно сцепил пальцы, – ...а вот слоны не водятся. Совсем.

Пораженный Огрин склонился поближе к картинке.

– Невероятно!

– Это еще не все, – отозвался Беккер. – Вы представляете, скольких слонов пришлось бы забить ради такой башни? Она в высоту девяносто три метра. Сомневаюсь, что кость, как строительный материал, выдержит собственную тяжесть такой конструкции.

Откинувшись на спинку кресла, капитан пробежался пальцами по столу.

– Где расположено строение?

– Хе-хе, – географ нервно потер шею. – На маленьком острове, в

центральной части океана М1. Остров, вероятно, необитаем; в спектрограмме атмосферы компьютер не обнаружил ДНК– маркеров известных рас.

Огрин удивленно моргнул.

– Какой смысл строить подобное чудо на острове, где никто не сможет им любоваться?

Беккер многозначительно кивнул.

– Я сначала решил, это маяк, но вспомнил, что дуагейцы не занимаются мореплаванием. К тому же... – он указал на голограмму, – ...на всей планете мы пока обнаружили лишь девять заброшенных замков, пять из которых лежат в руинах, остальные доживают последние годы – а здесь? Вы взгляните, как отполированы стены!

Огрин решительно встал.

– Я полечу сам, – он вышел из– за стола. – Беккер, сообщите Хельге – пусть возьмет «пуму» и ждет у вездехода. Передайте ей координаты башни.

– Есть, капитан! – географ козырнул и скрылся за дверью. Огрин подошел к боксу со скафандрами.

«Зачем здесь скафандр?» – думал он, натягивая броню. – «Зачем вездеход? При желании они и от звездолета мокрого места не оставят...»

– Урмас, – палец вдавил клавишу терминала.

– Да, капитан?

– Мы с Хельгой отправляемся к странному объекту в океане М1, зона удаления шесть. Держите видеоканал с вездеходом и записывайте все, что мы найдем. Будьте готовы к неожиданностям: мы еще не исследовали этот регион.

– Так точно.

Огрин отключил терминал и вышел в коридор. Лифт спустил его на первую палубу. У ангара уже виднелась костлявая фигура Хельги в зелено– белом медицинском скафандре, рядом на полу сидел полевой универсальный медицинский агрегат, или попросту ПУМА. Удивительно похожие на растолстевших коротконогих львиц в блестящей белой броне, такие роботы уже много лет служили спасателями по всей Земле.

– Надеюсь, я вас не слишком отвлек? – поинтересовался капитан.

– Не слишком, – Хельга качнула головой. – Хотя я предпочла бы узнать, зачем в археологической экспедиции врач.

– Мне нужен ваш критический склад ума, а не профессиональные знания, – признался Огрин.

Хельга смерила его внимательным взглядом.

– Дракон столь благоприятно на вас повлиял? – осведомилась она с легкой иронией.

Капитан молча кивнул. Хельга, покачав головой, скрылась в ангаре, «пума» последовала за ней грузным прыжком. Когда в вездеход поднялся Огрин, тот уже разворачивался носом к шлюзу.

– Простите... – капитан с трудом протиснулся мимо Хельги к креслу пилота. Пристегнулся, опытным взглядом окинул экраны. – Машина в порядке, стартуем.

– Добро на старт, – в голосе дежурного по ангару слышалась легкая тревога. – Капитан, будьте там осторожнее!

– Постараюсь, – вздохнул Огрин, запуская двигателя.

Бесшумно, слегка покачиваясь на мини– ураганчиках из размотых тахионов, вездеход рванулся на волю и мгновенно начал набор высоты, вдавив экипаж в кресла. Всего за минуту достигнув девятикратной скорости звука, машина легла на крыло, плавно меняя траекторию. Огрин и Хельга молчали; говорить было не о чем. Хотя климат– контроль работал нормально, капитан вытащил платок и утер со лба пот.

Еще с высоты стало ясно, что остров необитаем. Пустынный, унылый, он едва ли насчитывал десяток квадратных километров площади, из растительности заметны были лишь кусты да отдельные группы низкорослых елочек, похожих на

карликовые кипарисы. Блистающая башня вздымалась не точно из центра острова, чем еще более подчеркивала свою неуместность.

Вездеход снижался пологой спиралью, и чем ближе становилась башня, тем больше деталей открывалось глазам. Горы песка скрывали ее подножье, тонкий стан обвивали старые, высушенные солнцем лианы, по которым к свету карабкались их более молодые потомки. Казалось – здесь никто не бывал столетиями, но гладкие, зеркально– блестящие стены не были иссечены вечным ветром и продолжали сверкать. Башня выглядела прекрасной эллинской скульптурой, Артемидой, забытой в пустыне и медленно пожираемой чудовищем– временем.

Такие заброшенные строения были исключительно редки – с орбиты их удалось обнаружить лишь девять, разбросанных по самым негостеприимным и холодным регионам планеты. Дуагея, обладавшая единой культурой от полюса до полюса, разумеется, не знала понятия «война», так что разрушителем могла быть только природа; однако полное отсутствие деревень в округе казалось странным. Вокруг каждого обрушенного замка, на сотни километров не встречалось признаков разумной жизни.

Сканнеры биомассы уныло тикали, пока Огрин по спирали облетал башню. Настроенные на параметры известных рас Дуагеи, детекторы с обреченной уверенностью заявляли, что остров мертв.

– Возможно, под землей есть помещения... – неуверенно заметил капитан, когда стало ясно, что здесь нет даже животных. Хельга скептически поджала губы.

– Что вы ожидаете найти? – спросила она сухо.

Огрин медленно покачал головой.

– Не знаю, Хельга. Не знаю... – он прищурил глаза. – Взгляните на башню. Какие обводы, узоры. Почему полировка до сих пор совершенна? Как могли дуагейцы построить ее без машин, без индустрии, без транспорта?

– Драконы вместо вертолетов, тролли как бульдозеры... – Хельга вздохнула.

Огрин криво усмехнулся.

– Запускайте пуму. Пусть исследует остров.

– Так точно, – Хельга коснулась сенсора на панели. Робот, лежавший под креслами, бесшумно скользнул к специальному люку в двери шлюзовой камеры и,

спустя мгновение, вездеход качнулся, потеряв несколько сотен килограмм массы.

Почти моментально внизу, рядом с башней, поднялось облако пыли: «пуме» не требовались парашюты. Огрин вывел на главный экран вид из глаз робота.

– Ищи искусственные объекты, – приказала Хельга. – Ищи скрытые и подземные помещения. Используй радар, нюх и магнитоскопию. Сканируй все маркеры ДНК на пути, докладывай об известных видах.

Капитан перевел вездеход в автоматический ховер– режим и, вместе с врачом, подался к экранам. Жухлая трава в них ритмично сновала вверх и вниз.

Место травы вскоре заняли выжженный солнцем песок и блестящие, неестественно гладкие стены. Робот двигался по максимально эффективной траектории, проносясь над землей многометровыми прыжками и сканируя местность вокруг. Время едва шевелилось, минуты казались часами.

– Семнадцать, – задумчиво протянула Хельга, не открывая взгляда от экрана.
– Огрин, вам известно о каком–нибудь мифе или сказке, где число семнадцать играет важную роль?

– Штирлиц, – механически отозвался капитан. Хельга подняла брови:

– Что– что?

– Мифический герой из 20–го века, – Огрин вздохнул. – Эпос о Штирлице назывался «Семнадцать мгновений весны».

Врач с сомнением нахмурила лоб.

– Едва ли мифология 20–го века применима к Дуагее. Что–нибудь более древнее, Огрин? Сколько рыцарей было у короля Артура?

– Двенадцать, – хмуро ответил капитан.

– Да–а, так мы далеко не продвинемся... – протянула Хельга.

– Почему вы полагаете число 17 значимым? – поинтересовался Огрин. – Они могли выбрать его случайно.

– Сомневаюсь, – врач покачала головой. – У всего этого должен быть смысл. Мы его не видим, но он обязан присутствовать. Хоть какой–то.

Огрин вздохнул.

– Кое–кто совсем недавно утверждал, что понятие «смысл» придумали люди... – он запнулся. В кабине впервые раздался голос «пумы»:

– Обнаружен ДНК– маркер. Иду по следу.

– Анализ маркера! – приказал Огрин.

Пауза.

– Маркер поврежден, точная идентификация затруднена. Ищу следующий маркер, – пару секунд тишина – Маркер обнаружен. Анализирую, – пауза чуть дольше первой, – Соответствий в базе ДНК не найдено. Видовая принадлежность неизвестна. Ориентировочная датировка: минус пять – тридцать суток. Обнаружены остаточные молекулы запахов. Иду по следу.

Люди в кабине отпрянули от экрана. Огрин бросил на Хельгу горящий взгляд.

– Запахи не сохраняются долго. Здесь совсем недавно были аборигены!

Врач не успела ответить – в кабине вновь послышался голос робота:

– Обнаружен вероятный источник запаха. Визуально аналогичен туннелю. Искусственное освещение отсутствует. Назначение неизвестно.

– Вперед! – воскликнул Огрин.

Экран резко померк, затем вспыхнул мрачноватым красным пламенем: робот перевел камеры в инфракрасный режим. След вел в широкий и довольно высокий туннель с арочным сводом из крупных обтесанных камней, полого спускающийся под землю пол толстым слоем устилал песок. Прыгающее вместе с пумой изображение мешало видеть детали.

Впрочем, «дерганье» вскоре прекратилось – туннель уперся в гладкую, как зеркало, вертикальную стену из слоновой кости. У подножья, на маленьком каменном блоке, стоял бронзовый треножник с большой оплившей свечой, а рядом, полусасыпанный песком, лежал тинтар – популярный на Дуагее музыкальный инструмент, похожий на помесь арфы с лирой. Хельга и Огрин переглянулись.

– Храм? – удивленно спросила врач. Капитан, нахмурившись, обернулся к экрану:

– Прожектор на стену, камеру в видимый диапазон, – приказал Огрин.

Хельга негромко ахнула, капитан подался назад. Едва инфракрасное изображение сменилось обычным, стало видно, что стена целиком, сверху донизу украшена странной, однотонной живописью, сильно напоминавшей творчество первобытных людей. В инфракрасном диапазоне рисунки были невидимы.

– Ярче! – выдохнула врач. – Приблизь картинку!

Далеко внизу, под землей, робот послушно усилил яркость прожекторов. Огрин впервые в жизни реально ощутил, как шевелятся волосы на затылке.

– Люди... – прошептал он, невольно вцепившись в подлокотники кресла. Хельга резко обернулась:

– Стоп! – бросила она жестко, сверкнув глазами. – Смотрите внимательно!

Огрин молчал. Рисунки на стене изображали сцены охоты – стилизованные контуры копытных, пробитые копьями и стрелами мамонты, костры, где жарились испорченные тела, целые табуны, окруженные черными фигурками с оружием. Фигурками людей.

– Капитан, – напряженно спросила Хельга. – Сколько разумных рас обитает на Дуагее?

Огрин вздрогнул.

– Больше десятка. Мы не знаем точно.

– Но людей здесь нет, верно?

Капитан потер подбородок.

– Многие местные виды очень близки нам морфологически. Феи, гномы, кентавры... Также, с орбиты мы наблюдали расу, образно названную «эльфами», они максимально похожи на людей.

– И, тем не менее, – бледная женщина обернула к нему лицо, – Одного взгляда на эти рисунки хватило вам, чтобы однозначно идентифицировать людей. Не эльфов, не фей, а человека. Почему?

Огрин отшатнулся. Помолчал.

– Не знаю, – выдавил он наконец.

– А я знаю, – спокойно, хоть и с легким напряжением в голосе, ответила врач. – Потому что в сценках, запечатленных здесь, вы подсознательно ожидаете встретить людей. Мы уже десятки тысяч лет господствующий вид на Земле, кроме нас никто не создавал произведений искусства. Ваш мозг видит стилизованных гуманоидов в сценах ярко выраженного доминирования над средой; этого, как правило, достаточно для мгновенного и однозначного вывода на уровне рефлексов. Разум включается в работу гораздо позже.

Капитан стиснул зубы:

– Согласен. Что из этого следует?

Хельга нервно усмехнулась.

– Огрин, на Дуагее нет доминирующих рас. Ни один абориген не смог бы с ходу, просто взглянув на стену, назвать изображенный там вид. Их мозг работает иначе.

Повисла тишина.

– Иначе, чем у автора этих рисунков?

– Вот именно, капитан, – тихо сказала Хельга. – Не думаю, что здесь вообще изображена Дуагея.

Она отвела взгляд.

– Треножник со свечой. Музыкальный инструмент. Единственная на планете башня, построенная из костей неизвестных здесь животных...

– Аэлита, – выдавил Огрин.

Хельга вздрогнула.

– Что?

Капитан с болью зажмурился.

– Они поклонялись жестоким магацитлам, веря, что те однажды вернуться с Кровавой Звезды...

– Магацитлы? – тревожно переспросила врач. – Кровавая Звезда?!

Огрин стиснул зубы.

– Это из книги. Я люблю старинные книги, вы же знаете. В одном древнем романе... Такое не просто объяснить, Хельга.

Женщина поджала губы.

– Верю, – сказала сухо.

Капитан с силой втянул воздух.

– Возвращаемся, – произнес он твердо. – Пора задать кое– кому прямой вопрос.

Хельга молча кивнула. Под землей, в туннеле, «пума» огроными прыжкам помчалась обратно.

Яускас и четверо биологов его отдела заперлись в корабельной лаборатории для изучения записей с камеры робота, Хельга продолжила медосмотр спасенных. Мрачный и встревоженный, Огрин вызвал на совещание свободных старших офицеров – Бьорна и Ксению.

– Возвращение? – недоверчиво спросил физик. Девушка моргнула от изумления.

Капитан постукивал по столу пальцами.

– Теперь мы знаем, о чем говорила драконесса, указав, что люди изменились...

– Здесь не крохотная деревушка, где все на виду, – возразил Бьорн. – Капитан, Дуагея огромна! Местные жители не роботы, с течением времени среди них обязательно возникнут суеверия, течения, секты! Храм могли построить члены некоего культа, не имеющего отношения к прочим дуагейцам, ваша находка ничего не меняет!

Огрин нехотя кивнул.

– Я думал над этим.

– Капитан, сейчас нельзя возвращаться! – Ксения в волнении ломала пальцы.

– Мы ведь так мало знаем!

– Зато местные знают о Земле куда больше нас, – буркнул Бьорн.

Огрин покачал головой.

– Не все так просто, – он вывел на экран фотографию. – Вы заметили, что каждый из девяти разрушенных замков окружен самой настоящей зоной отчуждения? Дуагейцы не желают селиться даже в ста километрах от руин. Что за тайны сокрыты в этих развалинах, чего они боятся?

Бьорн нервно перебрал по столу пальцами.

– Вы послали роботов на поиски?

– Еще бы, – вздохнул Огрин. – Пока безрезультатно.

– Хоть причины обрушения установить удалось?

Капитан покачал головой. Бьорн тихо чертыхнулся и вновь вернул на экран фотографию росписи из подземелья.

– Если авторство рисунков действительно принадлежит древним людям, – начал он медленно, – То первые контакты дуагейцев с Землей должны были произойти уже в конце неолита. Это разом отменяет теорию о том, что местный... зверинец... был создан на основе человеческих мифов.

– Мы не знаем, кто возвел эту башню, – возразила Ксения. – Она слишком отличается от всего, что мы видели в других регионах планеты. Возможно, ей миллионы лет, и дуагейцы просто обнаружили подземелье с рисунками!

Бьорн упрямо мотнул головой:

– Едва ли аборигены стали бы устраивать ритуалы перед примитивными, жалкими рисунками в полузасыпанном туннеле. Их собственные картины и статуи сравнимы с лучшими творениями эпохи возрождения! – он подался вперед. – Помните, что сказала Хельга: здесь нет доминирующих рас. Нет даже стимула к обожествлению неизвестного, поскольку стилизованные фигурки людей не отличить от фигурок эльфов или фей! Не– ет, помяните мое слово: тут скрыта очень старая и очень злая тайна.

Огрин невесело усмехнулся.

– У нас слишком мало информации, Бьорн, и чересчур буйная фантазия.

– Отнюдь, – парировал физик. – Мы точно знаем, что архитектура местных замков относится к средним векам Европы, точнее между 9– м и 14– м. Даже если предположить, что с тех пор дуагейцы на Землю не летали – между первым и последним контактами остается пропасть в десятки тысячелетий! Чем они занимались все это время? Почему в их культуре дико перемешана античность, древний Восток, средневековая Европа и первобытно– общинные кланы?

Ксения покачала головой.

– По– моему, не дико, а исключительно гармонично.

– Вот именно! – Бьорн с жаром опустил ладонь на стол. – Вот именно! Гармонично! Все эти годы, целые тысячелетия, они собирали, обрабатывали и

ассимилировали нашу культуру, сохраняя лишь то, что им нравилось – готические замки, к примеру, или простоту и прозрачность первобытной экономики.

Огрин встрепнулся:

– Верно!

– Тогда им необходим контроль, – заметила Ксения. – Организация, функционирующая без перерывов уже десять– двадцать тысяч лет...

– ...или бессмертная Императрица, живущая в Башне из Слоновой Кости, – пробормотал Бьорн.

Все переглянулись, ошеломленные догадкой. Огрин нервно сцепил пальцы.

– Знаете, это имеет смысл.

– Необъяснимая сохранность стен, изоляция от остального мира... – Бьорн размышлял вслух. – Маленькая секта почитателей, знающих свою историю... – он запнулся. – Огрин, что с вами?

Бледный, как пещерная рыба, капитан поднял взгляд, в котором читались разом ужас и потрясение.

– Императрица! – прошептал Огрин. – Она читает людей, будто книги, она знает о нас все, ее интеллект подавляет и приводит в восторг! Она совершенна, как сама фантазия, она чувствует ваши глубокие, сокровенные мечты и делает их реальными... – капитан зажмурился от боли. Ксения и Бьорн отшатнулись.

– Вы что, полагаете, этим миром и правда управляет некий бессмертный организм? – недоверчиво спросил физик.

Огрин вскинул голову.

– Думаю, я с ним уже познакомился, – выдавил он через силу.

Глава 5

Кентаврию у звездолета первым заметил дежурный, потягивавший колу перед

экранами внешнего наблюдения. Резкий звонок интеркома властно вырвал Огрину из– под власти сна; не дожидаясь окончательного синтеза одежды, капитан поспешил в рубку.

– Что? – выдохнул он, подбегая к приборной доске.

– Гостья, – дежурный перевел картинку на объемный экран и восхищенно вздохнул. Даже Огрин, видевший кентаврию вблизи, ощутил, как мгновенно вспотели ладони.

В этот раз Ичивака выбрала основным цветом для украшений золотисто–желтый; гирлянды из мелких, блестящих многоугольных листиков тянулись вдоль ее стройного тела, спиралью обвивая ноги и груди. Крупный цветок, похожий на золотой лотос, был вплетен в волосы, желтый оттенок получили даже жемчужные нити на хвосте. Контраст с изумрудной, перламутровой шерстью, был восхитительным.

Пока люди разглядывали кентаврию, в рубку вбежала Хельга, следом – чуть не столкнувшись в дверях – объявились Яускас и Бьорн. На короткое время по обе стороны экрана воцарилась настороженная тишина.

– Красота– то какая! – прошептал дежурный космонавт.

– Верно, – пробурчал Яускас. – Красота сказочная. Они нас действительно изучили.

Огрин с силой вдохнул.

– Откройте шлюз. Пусть ее проводят в мою каюту.

– В вашу? – с легкой иронией уточнил биолог. – Капитан, не пора ли вспомнить, что вы на борту не один?

Огрин вспыхнул.

– Отлично, – бросил он сухо. – Проводите аборигена в кают– компанию. Хельга, Яускас, Бьорн – вы согласны присутствовать?

– С радостью, – за всех отозвалась женщина.

Огрин кивнул и первым покинул рубку. Двигаясь по светлому коридору в направлении лифта, он с легкой тревогой размышлял над своими чувствами. Дуагея определенно тянулась к его сердцу, и успела проникнуть весьма глубоко. Огрин почти физически ощущал нервное напряжение, в котором пребывал последнее время.

А так быть не должно. Капитан экспедиции на то и капитан, чтобы подавать пример. Конечно, «Лихорадка» – не доисторическая каравелла, где неграмотная и опасная команда оставалась в подчинении только благодаря воле и тяжелой руке капитана; экипаж звездолета состоял из лучших специалистов и ученых Земли, многие из которых были умнее и образованней Огрин. Однако в социальной сфере люди, как стадный вид, мало изменились со времен каравелл, и по-прежнему нуждались в координаторе, вожаке стаи, на кого в трудную минуту обращаются взгляды.

Огрин стал капитаном первого обитаемого звездолета Земли не случайно. Опытный космический штурман и пилот, с огромным летным стажем и детальным знанием технической части – этого, увы, было мало. Но Огрин, помимо знаний и опыта, обладал также весьма редким качеством: аурой лидера. Его слушали даже незнакомцы, а команды всех кораблей, где он служил раньше, безгранично ему доверяли. Даже чисто внешне, Огрин сразу располагал к себе – широкое лицо, пышные черные волосы, борода, смеющиеся глаза, огромные плечи и легкая, свойственная всем людям большого роста неловкость в движениях; в одном из экспериментов в центре подготовки, подавляющее большинство из контрольной группы людей, никогда ранее не видевших Огрин, на вопрос «как вы думаете, кто он?» ответило «наверно, капитан корабля»...

И вот сейчас этот капитан, ответственный за самый сложный, совершенный, ресурсоемкий и рискованный проект в космической истории человечества – был растерян. Он все сильнее ощущал эмоциональные узы, тянувшиеся между ним и планетой. Огрин припомнил свою реакцию, когда Яускас разглядывал картину, и поразился, осознав, что в тот момент ревновал! Да, да – ревновал огромную инопланетную рептилию к верному другу и соратнику.

Точнее, ревновал не как женщину, разумеется – просто Огрин к собственному изумлению вдруг понял, что подсознательно считает Тау своей. Личным, персональным драконом, до которого никто и никогда не посмеет дотронуться!

Собственный дракон, который, весьма вероятно, был в действительности бессмертным всемогущим инопланетянином, заботливо строившим эту планету тысячелетиями...

– Хельга, – вполголоса, не обернув головы, позвал капитан. Идущая следом врач прибавила шаг.

– Слушаю.

Огрин негромко пересказал ей свои размышления. Хельга в глубокой задумчивости оглядела капитана с головы до пят.

– Рассуждая строго логически, – заметила она после длительной паузы, – Такая реакция, во– первых, вполне естественна, а во– вторых, почти наверняка запланирована. Если я права, остается лишь снять шляпу и поклониться гениям, ответственным за контакт со стороны местных.

Они вошли в лифт. Огрин нервно постукивал пальцами по бедру.

– Слова Яускаса не идут у меня из головы, – сказал он, когда двери раскрылись и офицеры продолжили путь в кают– компанию. – Разумом я понимаю, что он прав, но верить в это просто не могу. Сердце не лежит.

– Насчет специально для нас разработанного мира? – уточнила Хельга.

– Да, – капитан стиснул зубы. – Я сознаю, что Тау, почти наверняка, никакая не драконесса, а бесконечно мудрое и совершенно чуждое нам создание, но сердцем... В душе... – он опустил голову. – Не могу... – прошептал.

– Зря вы так переживаете, Огрин, – заметила врач. – Мы ведь, по сути, ничто иное как устройства сбора и обработки информации. Все, что нам известно о Вселенной, докладывают органы чувств – зрение, слух, обоняние и прочие. А теперь скажите, положив руку на сердце: что проще – построить планету, населенную сказочными созданиями, или заставить гостей с Земли только ВИДЕТЬ сказочных существ?

Капитан вздрогнул.

– Но Яускас...

– Яускас мог точно так же УВИДЕТЬ то, что требовалось – соответствия в генных картах, к примеру, – Хельга усмехнулась. – Думаю, ваша драконица умеет и не такое.

Огрин стиснул зубы.

– То есть, вы полагаете – Тау или другой абориген берет образы из нашей памяти и проецирует их обратно, как голограммы?

– Ментограммы, – уточнила Хельга. – Изображение формирует сам мозг. Да, в целом я полагаю именно так.

Капитан с большим облегчением улыбнулся.

– А видеозаписи? – спросил он весело. – Откуда на записях у Ичиваки облик кентавра? И почему мы все видим ее одинаково, разве ментопроекция не субъективна для каждого?

Хельга горько улыбнулась.

– А откуда вы знаете, что мы – все мы – действительно существуем? Что, если корабль взорвался при торможении, и вы, Огрин, сейчас лежите в коме в дуагейском госпитале, где местные специалисты– телепаты заботливо проецируют вам в мозг, будто экипаж жив– здоров, и катастрофы не было? А что, если драконы охотятся, как вампиры, впрыскивая жертвам ментальное обезболивающее, и ваша сверкающая Тау прямо сейчас медленно вас переваривает?

Улыбка с лица капитана бесследно испарилась.

– Ну, знаете... – он покачал головой. – Это даже не солипсизм, а просто глупость!

Ответить Хельга не успела; офицеры вошли в кают– компанию, где – разумеется, у зеркала – стояла прекрасная изумрудная кентаврия с золотым лотосом в волосах. И живая, реальная Ичивака мгновенно сделала все разговоры о ее воображаемой природе вопиющей нелепицей. Даже Хельга немного помедлила в дверях.

– Огрин! – кентаврия улыбнулась, с неземной грацией обернув «человечий» торс к дверям и легонько, по– кошачьи изогнув спину. Капитан шагнул в сторону, пропуская товарищей.

– Рад видеть вас, – отозвался он тепло.

– Вы не один? – быстро спросила Ичивака. – Почему?

Огрин вздрогнул, Хельга и Яускас метнули на него короткие взгляды. Бьорн молча пожирал глазами гостью – из всех четверых он был единственным, видевшим Ичиваку лишь на экранах. Капитан с легким волнением покачал головой.

– Наш корабль огромен и очень сложен. Это мои друзья, старшие офицеры, они помогают управлять звездолетом и должны все знать наравне со мной, – он обвел

рукой спутников. – Боюсь, без них беседа не состоится, Ичивака. Вы не против?

Кентаврия чуть изогнула брови.

– Я пришла не для беседы, – ответила она с короткой запинкой. – Огрин, вас приглашают на къен. Очевидно, ваших друзей тоже, хотя про них мне не говорили...

В кают– компании повисла неловкая тишина. Нарушила ее сама Ичивака:

– Понимаю, вам незнакомо это понятие, – она вздохнула и грациозно провела рукой по волосам, вызвав уже знакомую Огрину восхитительную волну зеленых искр. – Объяснить его гораздо труднее, чем тиэррай.

– А вы попробуйте, – довольно сухо заметила Хельга. Огрин невольно подумал, как должна себя чувствовать пожилая, костлявая, долговязая женщина ее внешности в присутствии такого искристо– обнаженного чуда? Ичивака, разумеется, ничего не заметила и лишь улыбнулась.

– Я правда не знаю, как объяснить, – сказала она с детской наивностью. – Къен, это... Радость общения, вероятно так. Радость общения с будущей вехой.

Огрин растерянно взглянул на Яускаса. Тот, казалось, ничуть не озадаченный, легонько подался вперед:

– Будущая веха? – спросил он быстро. – Радость общения с теми, кто ее достиг?

Ичивака кивнула.

– Да, да! Только не совсем общение, – она скромно перебрала копытами и опустила взгляд. – Не разговор, как мы сейчас беседуем друг с другом... Ощутить присутствие и... – девушка в замешательстве умолкла. – Не знаю, как сказать.

Огрин, внезапно догадавшись, шагнул вперед.

– Дракон! Къен – это встреча с драконом, верно?

Удивление в глазах Ичиваки ответило ему раньше, чем голос:

– Нет, конечно. Почему вы так решили?

Запнувшись, капитан переглянулся с Бьорном.

– М– м... Простите., – выдавил он. – Я уже встречался с драконом, и подумал... Что она достигла будущей вехи.

Кентаврия звонко, по– девичьи рассмеялась.

– Тау вскружила вам голову, Огрин? – она укоризненно погрозила пальцем

опешившему человеку. – Не поддавайтесь тиэrray. Драконы, как и вы, летают меж звезд, но вежа у всех нас общая. Для драконов кьен стал большим сюрпризом...

Повисла неверящая тишина. Разорвать ее довольно долго никто не решался, и лишь спустя минуту, впервые с начала беседы, послышался голос Бьорна:

– Драконы пришли со звезд? – спросил он глухо. Изумленный Огрин молча моргал.

Ичивака кивнула.

– Разве Тау вам не сказала?

Оргин сильно вздрогнул. Ему, будто наяву, вспомнился теплый голос драконессы: «А если так и есть?» – серьезно спросила Тау. Дурак, дурак, надо было анализировать каждое слово, а не глазеть на прозрачные крылья...

– Да, теперь я вспомнил, – медленно, с напряжением произнес Огрин. – Она упоминала.

– Драконы были первыми, кто пришел со звезд, много– много столетий назад, – весело сообщила Ичивака, даже не подозревая, какую бурю она только что породила. – Первый кьен их сильно напугал, с тех пор мы сначала проверяем гостей.

В каюте воцарилось напряженное, взрывоопасное молчание.

– И... Много у вас побывало... Гостей?.. – с натугой спросил Яускас.

Ичивака развела руками.

– Конечно. Обычно они улетают домой и никогда не возвращаются вновь. С нашим миром трудно найти уауке... – она запнулась, на миг задумалась, – ...уауке примерно означает гармонию невысказанных мыслей с чувствами, которые нельзя выразить.

– А драконы? – нервно спросила Хельга.

Девушка тепло улыбнулась.

– Драконы нашли уауке в первый же кьен, – заметила она весело. – Они сами просили остаться.

– Почему? – быстро спросил Бьорн.

Ичивака недоуменно подняла брови, но тут же рассмеялась.

– Простите, я забыла, что вы не знаете, – она подмигнула физику. – Поверьте, после кьен таких вопросов не бывает. Вы просто... понимаете.

Огрин нервно кашлянул.

– А что драконы поняли в тот раз?

Ичивака вздохнула.

– Не только драконы, – объяснила она терпеливо. – Мы поняли, что драконы станут жить здесь, а они поняли, насколько это правильно, и всем стало хорошо, тепло и радостно, поскольку мы нашли друг друга, а значит, уауке стал еще прочнее. Это нельзя объяснить словами, Огрин. Вы должны идти со мной.

Прежде, чем капитан успел ответить, в разговор вмешалась Хельга:

– Семнадцать человек были на час похищены прямо из корабля, – сказала она сухо. – Об этой проверке вы говорили?

Ичивака удивленно моргнула.

– Похищены? Как?

Люди переглянулись.

– Вы не знаете? – Хельга прищурила глаза. – Они просто исчезли, растворились в воздухе, а когда вернулись – через час – никто даже не помнил, что отсутствовал в корабле.

Тряхнув гривой волос, девушка подошла к врачу ближе.

– С ними ничего не случилось? – спросила она тревожно.

– А что могло случиться? – Хельга прищурила глаза.

Ичивака вздрогнула.

– Так было лишь однажды, тысячи лет назад, – ответила она медленно. – В тот раз к нам прилетели... нехорошие гости. Их поступки бессмысленно отрицали уауке, а на кьен они просто ничего не чувствовали. Мы решили, будет правильно, если гости улетят, и драконы уже хотели вмешаться, но когда они прибыли к месту, где поселились гости, там уже никого не было. Мы до сих пор гадаем, что тогда случилось.

Воцарилось молчание. Подавленный картиной, созданной воображением, Огрин лихорадочно гадал, с кем или чем они столкнулись, Хельга, Яускас и Бьорн также задумались. Ичивака с легким нетерпением переступила с копыта на копыто:

– Вы принимаете приглашение на кьен? – спросила она наконец, устав ждать.

Все разом вздрогнули. Огрин, сглотнув, заставил себя успокоиться.

– Последний вопрос, – он впился глазами в лицо девушки. – Те, с кем вы общаетесь на... кьен, они жили здесь раньше вас? Они первые жители этой планеты?

Ичивака моргнула.

– Они? – переспросила она с легким удивлением. – Не они, а он. Конечно, он был здесь раньше нас, как же иначе появились мы? – девушка фыркнула от нелепости вопроса.

Огрин молча посмотрел на Яускаса. Тот, слегка бледный, кивнул. Капитан обернулся к кентаврии:

– Мы принимаем приглашение. Где состоится... кьен?

Ичивака улыбнулась.

– Там, где вы желаете его провести. Можно прямо здесь, – она обвела рукой каюту, – Но драконы хотели присутствовать, а тут они не поместятся. Может, на полянке у корабля?

Огрин и Бьорн вздрогнули, Яускас закусил губу. За всех ответила Хельга:

– Почему бы и нет? – врач с легким напряжением скрестила руки за спиной. – Буду рада знакомству с драконами...

Ичивака просияла.

– Замечательно! Идемте, – она грациозно и совершенно бесшумно проследовала мимо оцепеневших людей и скрылась за дверь. Огрин, Хельга, Яускас и Бьорн, слегка помедлив, поспешили следом.

Крылатых на сей раз было трое. Три непостижимо прекрасных, грациозных, струившихся искрами чуда – серебристый, янтарный и уже знакомая Огрину перламутровая Тау. Драконы сидели в высокой траве напротив главного шлюза и смотрели прямо на дверь, будто видели людей сквозь броню.

Дул ветер, по траве бежали мягкие волны. Небо, чуть ли не впервые, покрывали пушистые белые облака, там и тут солнечные лучи прорывались сквозь

них радужными столпами света, придавая равнине и океану совершенно сказочный вид – будто картина великого гения, чей безграничный талант дал рисунку жизнь. Свежий, пропитанный ароматами воздух буквально пьянил, Огрин даже споткнулся на трапе. Драконы терпеливо ждали, пока к ним подойдут.

Вблизи они производили еще большее впечатление, чем на экране, путь даже объемном. Огрин поймал себя на мысли, что единственное слово, действительно и безоговорочно применимое к этим созданиям, прозвучит до обидного банально: неземные. Грация, величие, мистическая аура, окружавшая крылатых – в них все было совершенно. Совершенно неземным.

Плечом к плечу с капитаном встали Хельга, Бьорн и Яускас, позади столпились другие космонавты – звездолет покинула почти вся команда. Огрин осмотрелся: в глазах людей горело только любопытство и жгучий интерес. Куда пропала обязательная для космонавта подозрительность, где столь тщательно натренированные способности к анализу и просчету ситуаций? Меньше, чем за полгода, Дуагея сделала из взрослых, опытных специалистов, готовых к любым сюрпризам Космоса – толпу любопытных детей. Способных, как и все дети, весело играть с тиграми...

Или вежливо беседовать с драконом, не чувствуя робости от соседства со столь могущественным и громадным зверем. Это выглядело нелепым, но даже самому Огрину драконы вовсе не казались большими, а ведь они возвышались на два человеческих роста и могли легким движением когтистой лапы завершить любую беседу. Так малыш, ликуя, лезет на спину льву, цепляясь за жесткую шерсть и не ведая о клыках...

Тем временем Ичивака вышла вперед и раскинула руки в символическом объятии. Крылатые отозвались улыбками, Тау весело подмигнула капитану. Кентаврия подошла к могучим существам и опустилась в траву рядом с янтарным драконом, чей вид – необъяснимо, как – сразу навевал мысли о мудрости и огромном опыте. «Аура лидера?» – растерянно подумал Огрин.

– Добро пожаловать, друзья, – вежливо произнес янтарный, обведя людей чистыми, ярко-зелеными глазами бесконечной глубины. – Прошу, оставьте в прошлом страхи и сомнения. Вы действительно друзья, и мы рады приветствовать

вас.

Ответить дракону решились не сразу – пару секунд царила неловкая тишина. Как ни странно, первым на сей раз заговорил молчаливый и вечно хмурый Бьорн. Физик шагнул вперед, обратив лицо к Тау, сидевшей в центре:

– Мы получим ответы? – спросил он просто.

Крылатая приподняла края губ в тонкой и доброй улыбке.

– Не все, – отозвалась она с той же прямоотой.

Бьорн глубоко вздохнул.

– Тогда скажите, что это? – он обвел рукой лес, небо, далекое море. – Мы теряемся в догадках, наш разум готов сдаться. Как возник этот мир? Почему он так похож на Землю, родину людей?

Тау весело и не слишком официально толкнула крылом серебряного дракона, сидевшего от нее слева.

– Ответишь? – спросила лукаво.

Серебряный бросил на подругу слегка укоризненный взгляд. Огрин еще раз поразился, насколько понятной и естественной для человека была драконья мимика – ожидать подобного от инопланетных рептилий казалось смешным, но ни один жест, ни одна улыбка не казалась заученной или чуждой. Просто драконы и люди – а также все прочие жители Дуагеи – действительно общались на одном языке. И это сводило с ума, ведь сейчас – то Огрин уже знал, что даже если Ичивака и другие аборигены в самом деле потомки землян, то уж драконы определенно явились из мира, с Землей никак не связанного!

Между тем, серебряный обратил к Бьорну глаза цвета насыщенного ультрамарина.

– Чтобы ответить на ваш вопрос, вы должны вначале испытать кьен, – сказал он мягким, очень приятным баритоном. Огрин, встряхнувшись, отодвинул размышления в сторону и шагнул навстречу драконам.

– Я капитан экспедиции, – произнес он твердо, глядя прямо в глаза янтарного.

– Мы готовы.

Дракон улыбнулся.

– Еще нет, – ответил он с теплой добротой в голосе. – Вы с честью выдержали

испытания и доказали, что действительно имеете право называться разумными. Но вы слишком молоды и наивны, чтобы одолеть тиэррай.

– Вы эмпирически отыскивали некоторые из тысяч законов развития, – продолжил серебряный дракон. – Но еще не умеете делать из них выводы.

– Однако вы обладаете удивительным даром, – с ласковой улыбкой заметила Тау. – Даром, на возрождение которого в людях мы уже перестали надеяться.

И все трое умолкли, глядя на космонавтов с высоты своего роста. Огрин, совладав с волнением, вскинул голову.

– Кто вы? – спросил он негромко. – Я не верю, что этот мир сотворили ради нашей экспедиции, хотя логика утверждает обратное.

Перламутровая Тау весело, совсем по-человечески рассмеялась.

– Видите? – она склонила голову набок. – Вам известны все факты, но выстроить их в линию не получается. Вы смотрите на яблоко, а видите сферу.

– Нам известны все факты? – напряженно спросила Хельга. – Так ли это?

– Главное, одолеть тиэррай, – очень серьезно сказала Ичивака. – Задумайтесь, люди. Крепко задумайтесь, поскольку лишь тиэррай сейчас мешает вам понять.

– Однако вступление затянулось, – задумчиво произнес янтарный. – Полагаю, кьен пора начинать.

Он склонил голову к Огрину и тихо произнес ему прямо в лицо:

– Сейчас решается очень многое. Держитесь.

Капитан хотел ответить, но не успел. Начался кьен.

Огрин ожидал чего угодно. Более того, уже привычный к сюрпризам Дуагеи,

он ожидал, что любые ожидания будут обмануты. Но кьен все равно оказался неожиданным.

Снаружи ничего не изменилось – та же степь, ветер, облака и столпы солнечного света, играющие в зеркальных драконьих чешуйках. Но в душе, в самой глубине разума, Огрин внезапно ощутил ПРИСУТСТВИЕ чего– то, объяснения которому не просто не было, а вообще не могло БЫТЬ. Отказывающееся принимать невозможное как данность, ассоциативное мышление Огрин в панике бросилось искать аналогии – и, как ни странно, сразу нашло. Капитан зажмурился, внезапно ощутив себя ребенком.

Младенцем, едва начинающим понимать окружающее. Теплые, мягкие руки матери – или отца – они всегда здесь, рядом. Кроме них просто не существует НИЧЕГО. Огрин всей душой, каждым своим атомом впитал абсолютно человеческое чувство единения с кем– то, понять которого ты не можешь, но чью доброту и любовь ощущаешь ежесекундно.

Капитан мысленно ахнул, осознав, что точно такие чувства испытывает собака к своему хозяину. Его поступки никогда не ясны, его мир – полностью чужд, далеко за гранью собачьего понимания. Но любовь его совершенно родная, искренняя. Его эмоции так похожи! Собака не может понять, отчего хозяин грустит или радуется, но саму грусть и радость чувствует столь же полно, как сам человек. Только в случае с собаками чистоту аналогии портят взаимоотношения «господина» с «рабом», а здесь, Огрин сознавал, нет ничего подобного. Ичивака выразилась удивительно точно: кьен действительно был радостью общения. Но не с «высшим» существом, вовсе нет! Просто ТОТ, чье присутствие сейчас наполняло Огрин теплотой, находился за гранью разумного понимания.

– Прокариоты, – услышал капитан. Изумленный, бледный Яускас говорил вслух. – Затем многоклеточные, растения, животные. Следующая ступень – разум, волею случая доставшийся на Земле только людям. А что же дальше? Сверхразум? Живые компьютеры?

– Нет, – к собственному удивлению отозвался Огрин. Кьен совершенно не мешал воспринимать реальность. – Конечно, нет. Следующая ступень уже не будет разумом в нашем понимании.

– Как говорил Заратустра, – пробормотал Бьорн, – Человек суть канат, натянутый между животным и

сверхчеловеком. Канат над пропастью...

– Котятка. – сухо сказала Хельга. – Греются у камина.

Бьорн кивнул.

– Они знают лишь, что пламя дает тепло. Чтобы развести пламя, требуется нечто, котяткам недоступное.

– Доступное! – возразил Яускас. – Просто непонятное. Мы для зверей не боги!

– Не боги... – повторил Огрин и ахнул. – Конечно! Ведь богов придумали люди по своему образу и подобию! Любой бог лишь преумножает знакомые нам качества – всезнающие, всемогущие, безукоризненные разумные сущности. Разум становится сверхразумом, воля – сверхволей, и мы продолжаем цепочку обожествления нас самих!

Хельга с натугой улыбнулась – она тяжело дышала, глубоко потрясенная кьен.

– Держу пари, – заметила женщина, – Если б волки создали религию, их богом стал бы огромный самец с тысячами клыков, способный одним укусом завалить тигра и догнать любого оленя.

– Верно, – тяжело отозвался Бьорн. – Придумать человека не сумел бы ни один волк.

Они переглянулись, шокированные и уничтоженные пониманием. Огрин с болью обернулся к драконам.

– Этого вы испугались? – спросил он горько. – Тогда, в первый раз?

Тау посмотрела на человека с абсолютно непередаваемым выражением – полное, бесконечное понимание смешанное с материнской любовью, и в то же время глубочайшая, разделенная всей душой тоска.

– Да, – ответила она просто. – Для нас существует лишь одна истинная радость: познание Вселенной. Сотни веков мы верили, что рано или поздно сумеем познать ее целиком.

– А потом нашли этот мир, – глухо сказал Бьорн.

– И поняли, что на разуме жизнь останавливаться не намерена, – с кривой

усмешкой вставила Хельга.

Драконесса с болью покачала головой.

– Нет, – отозвалась она тихо. – Мы поняли, что иногда эволюция слишком жестоко перечеркивает все, чего раньше добились.

Янтарный дракон распахнул сверкающее крыло и обвел им пейзаж.

– Что вы чувствуете? – спросил он сурово. – Какие эмоции вызывает у вас кьен?

Хельга стиснула зубы.

– Забота, – процедила она. – Внимание извне. Любовь к животным.

– Боль, – внезапно сказал Яускас. – Жгучая боль ученого, твердо знающего, что ему никогда не раскрыть этой тайны.

– Горечь, – произнес Огрин, всей душой чувствуя, сколь искренне он сейчас говорит. – Тоска и горечь.

Перламутровая драконица грустно улыбнулась.

– Видите, – сказала она негромко. – Что угодно, только не зависть.

Капитан вздрогнул.

– Зависть? – переспросил он, и вдруг понял, что действительно НЕ ЧУВСТВУЕТ себя ущербным. Он не завидовал – даже в душе, даже в самых потайных уголках разума. По изумлению в глазах друзей, стало ясно, что о зависти никто из них и не задумывался.

Драконесса легонько кивнула.

– Не удивляйтесь, – она вздохнула. – Все правильно. Мы не понимаем кьен и не сможем его понять, никто из нас, никогда. Мы способны теоретизировать о возможных преимуществах следующей ступени, мы отдаем себе отчет, что от НИХ столь же далеки, как животные от нас, и все же мы не хотим – не умеем – мечтать о такой судьбе. Как очень верно сказал ваш капитан, – драконесса улыбнулась Огрину, – судить можно разумом, а можно сердцем.

– Есть давний парадокс, наверняка известный землянам, – в разговор вступил серебряный дракон. – Способно ли всемогущее существо сотворить гору, до вершины которой оно не сумеет долететь?

Яускас нервно усмехнулся.

– У нас речь идет о камне, который бог не сможет поднять.

– Вот– вот, – отозвался крылатый. – С разумом та же история. Видите ли, разум действительно всемогущ, и границ у познания нет. Беда в том, что разум оказался способен сотворить то, что не в силах осознать. Таким образом, парадокс получил эмпирически найденный ответ: да, бог может создать камень, который он затем не поднимет.

– И с этого мига перестанет быть богом, – шепнула Ичивака.

Повисла тяжелая, гнетущая тишина. Огрин медленно выдохнул и на миг зажмурился, стараясь отогнать убаюкивающее тепло кьен, мешавшее мыслить четко.

– Итак, мы прошли испытание, – произнес он размеренно. – Теперь скажите, наконец: в чем тайна этого мира?

Тау горько улыбнулась.

– У вас есть вся информация, чтобы догадаться.

– Я в этом сомневаюсь! – резко возразила Хельга. Драконесса качнула головой.

– Информацией владеет лишь Огрин.

Капитан замер. Его разум вспыхнул лихорадочным жаром.

– Только я?

– Да.

– Почему?

Крылатая ответила не сразу; вначале она некоторое время отрешенно водила когтем в траве. Капитан резко шагнул вперед:

– Почему я?

– Знаете, мы ведь следили за вашим кораблем еще на орбите Земли, когда его строили, – не поднимая глаз, тихо сказала Тау. – Никто не ждал людей в этом тысячелетии...

Космонавты невольно отпрянули. Яускас широко раскрыл глаза:

– Вы посещаете Землю?!

– Иногда, – еще тише отозвалась драконесса.

– С какой целью?!

Тау подняла голову и взглянула прямо в лицо Огрину.

– Мольберт, – сказала она размеренно и четко.

Воцарилось изумленное молчание. Ветер гнал по траве искристые волны, развевал драконьи гривы. Неземная красота пейзажа накладывалась на глубокое, почти интимное ощущение кьен, разрывая связи с реальностью, волнуя сердце. Потрясенный Огрин поднял руки к лицу, взглянул на ладони.

– Мои картины, – прошептал он. – Вам известно, что я художник?

Янтарный дракон очень серьезно кивнул. Капитан отшатнулся:

– Картины! – он широко раскрыл глаза. – Этот мир – картина?!

Тау вздохнула.

– Зачем людям живопись? – спросила она негромко. – Ведь есть фотография, кино, голограммы...

– Нет! – крикнул Огрин. – Я не верю!

Изумленный Яускас облизал губы.

– Кьен... – прошептал биолог. – Им знакомы эмоции?

– Радость, горе, любовь, все это известно и животным, – глухо произнес Бьорн. – Раз мы унаследовали их от предыдущей ступени...

– ...то и следующая унаследует от нас, – закончил Яускас. – Невероятно!

Огрин попятился, упрямо качая головой.

– Нет. Нет! Так не может быть! Это нонсенс!

– Все логично, – сухо заметила Хельга. – Мы, люди, рисуем картины. Творчество дарит нам наслаждение. Почему бы ИМ не рисовать миры?

– Но Вселенная не холст! – в отчаянии крикнул Огрин.

Перламутровая драконесса с легким удивлением склонила голову на бок.

– Почему? – спросила она просто.

– Потому что мы живые! – рявкнул капитан. – Мы разумны, у нас есть свобода воли и собственный путь!!!

Серебряный дракон моргнул.

– Так ведь никто их не отбирает, – заметил он коротко.

Янтарный с хлопком расправил над поляной гигантские прозрачные крылья.

– Мы вовсе не собирались оставаться, когда обнаружили Дуагею тысячи лет назад, – произнес он сурово. – Но первый кьен испугал нас сильнее, чем любая

опасность в Космосе, с которой драконы сталкивались ранее. Здесь мы ощутили... гармонию. Къен не навязывает, не лишает воли – он демонстрирует. Великий художник открывает вам неоконченное полотно, и одним лишь взглядом дает понять, сколь идеально, прекрасно и... правильно... в него вписался бы ваш образ. Оглянитесь, – янтарный обвел крылом горизонт. – Вы ведь и сами видите, как подошли этому миру драконы. Недостающий штрих, последний мазок, завершающий сказку.

– Королевский зверинец, куда, наконец– то, привезли тигров, – мрачно отозвалась Хельга.

– Нет, – улыбнулась Ичивака. – Скворечник.

Огрин вздрогнул от яркости аналогии.

– Точно, – прошептал он. – Скворечник. Красивое и уютное гнездышко.

– Как может птица устоять? – горько улыбнулась драконесса.

Потрясенный Яускас сгреб ладонями волосы.

– Мольберт. Он смешивал краски на Земле, экспериментируя с цветами, а добившись нужного – наносил мазок. Что будет, если слить зеленый и желтый? Кобылицу и девушку?

Ичивака звонко рассмеялась.

– Среди нас и жеребцы есть, – заметила она лукаво.

Яускас ахнул и широко раскрыл глаза.

– Естественный отбор! – прошептал он. – Вы не способны его пройти, вы погибнете без присмотра. Вот почему на Земле вас больше нет!

– Нас никогда и не было много, – объяснила кентаврия. – Две– три сотни, пока шло творение. Земля всегда оставалась мольбертом, черновиком будущего шедевра. Жить мы должны были здесь.

– В саду Эдема, – выдавила Хельга сквозь зубы. – А люди, выходит, сырье? Нас и в реальности прогнали из рая?

Ичивака недоуменно моргнула.

– Но вы и есть творцы, – отозвалась она с удивлением. – Дуагею и всех нас создал человек следующей вехи.

Глава 6

Слова кентаврии буквально заморозили космонавтов. Оцепеневший Огрин переводил взгляд с драконов на Ичиваку и обратно, у Яускаса отвисла челюсть. Легче всех с шоком справился Бьорн, поскольку тишину прервал именно его голос.

– Как? – только и спросил физик.

Янтарный дракон усмехнулся.

– Вы еще не понимаете, – заметил он негромко, – однако каждая следующая ступень эволюции привносит качественные, а не количественные изменения. Автор этой планеты, – дракон провел лапой по траве, – родится, вероятно, лишь через много миллионов лет. Однако его существование не ограничено только пространством – он не «сверхчеловек», поймите, это нечто совсем, абсолютно иное. Назовем его «послеразумом».

– Животное не владеет понятием времени, – продолжила Тау. – Звери живут текущим моментом, подчиняясь сложнейшим инстинктивным моделям поведения, рожденным эволюцией за мириады веков. Разум действует совершенно иначе.

– Мы способны осознать любую, даже НЕ СУЩЕСТВУЮЩУЮ В ПРИРОДЕ концепцию, – очень серьезно сказал серебряный. – Нам не требуется, чтобы предки хоть раз сталкивались с нею прежде. Не нужны генетическая память и инстинкты. Здесь, – он коснулся когтем своего изящного, украшенного перламутровыми шипами лба – можно уместить Вселенную, даже ту ее часть, которую никто никогда не увидит, а главное – мы умеем ПРИДУМЫВАТЬ Вселенные! Вот могущество разума!

– А разве всемогущий организм может эволюционировать? – коротко спросила Тау.

Яускас медленно покачал головой.

– Если и может, – произнес он медленно, – То лишь в новом направлении.

– Именно, – отозвался янтарный.

– Но время? – Бьорн развел руками. – Как можно мыслить вне ВРЕМЕНИ, но

в ПРОСТРАНСТВЕ? Ведь они едины!

Тау грациозно пожала крыльями.

– Мы не знаем. Это как раз та область, где наши способности заканчиваются и начинается послеразум.

– Где пасует смертный и начинается бог... – прошептал Огрин.

– Нет! – жестко возразил янтарный дракон, даже дернув хвостом от гнева. – Разум никогда не сдается. Пусть не сейчас, не мы – но наши потомки уже совершили этот скачок в далеком будущем, и драконы все равно раскроют тайну. Познание Вселенной нельзя остановить! – он встопорщил гребень шипов и привстал, хищно изогнув спину.

– Пусть кто станет на нашем пути, – прорычал янтарный. – Пусть попробует только!

Огрин внезапно отшатнулся и даже сделал пару шагов назад. В его глазах отразилось невероятное изумление, но крылатые восприняли реакцию человека по-своему:

– Не бойтесь, мы не кусаемся! – Тау, рассмеявшись, нежно лизнула янтарного дракона в нос, тот фыркнул и опустил шипы. Драконица с легким смущением обернулась к людям:

– Всем нам было непросто смириться с кьен, – вздохнула она. – В драконах еще силен конфликт между разумом и врожденной гордостью, мешающей объективно воспринимать реальность.

– Видите ли, – в разговор вступил серебряный, – Мы не привыкли... Чтобы о нас заботились. Скорее уж наоборот, одним из главных приоритетов драконьего звездного флота является защита и эвакуация любой жизни из опасных районов Космоса.

– Так и есть, – неожиданно сказал Огрин. – Все правильно.

Серебряный запнулся:

– Правильно? – переспросил он с легким удивлением.

Огрин резко кивнул и, ко всеобщему изумлению, обернулся к янтарному дракону.

– Скай? – спросил он негромко, глядя прямо в зеленые глаза крылатого

существа. – Ведь твое имя Скай, правда?

Дракон сильно вздрогнул.

– Что– что?! – под зеркальной чешуей напряглись мышцы, гребень шипов встопорщился. Огрин, нервно сглотнув, обратил глаза к Тау:

– А тебя зовут Тайга, – прошептал капитан. – И ты уже много столетий любишь Драко... – он кивнул на серебряного.

Потрясенная драконесса отпрянула всем телом.

– Вы не можете этого знать! – вырвалось у нее. Серебряный вскочил, его могучие когти впились в землю.

– Я требую объяснений! – рявкнул дракон.

Огрин, стиснув виски, сел прямо в траву и опустил голову. Его грудь судорожно вздымалась, дыхание со свистом прорывалось наружу.

– Теперь все понятно, – выдавил он. – Да. Загадки больше нет.

Капитан поднял глаза. Там блестели слезы.

– Вот почему вы общаетесь, как люди, разделяете нашу мимику и жесты. Вот почему драконы так идеально соответствуют этому миру.

Изумленная и, явно, испуганная, Тау припала к земле.

– Что все это значит?!

Капитан с горечью улыбнулся.

– Я про вас читал, – ответил он просто. – Двести лет назад вас придумал всеми забытый автор и описал в своей книге. Точно так же, как ранее другие авторы описывали кентавров, фей, единорогов и гномов. Создатель этого мира черпал вдохновение не только в мифах, но и в литературе Земли.

Он встал.

– Я должен был догадаться сразу, как только увидел ту башню, – Огрин

стиснул кулаки. – Ведь ее придумали не древние мифотворцы, а сказочник из 20–го века, не помню имени...

– Михаэль Эндэ, – глухо вставил Бьорн. Огрин кивнул.

– Верно, – он вновь обернулся к драконам. – Теперь понимаете?

Крылатые, оцепеневшие от слов человека, застыли безмолвной скульптурой. В их ярких глазах – чужих, и в то же время абсолютно понятных – читались вполне ожидаемые эмоции. Изумление и неверие – Тайга, всеокрушающий гнев – Скай, страх за товарищей и готовность ринуться в бой – Драко. И хотя облик драконов ничем, даже цветом чешуи, не напоминал описанных в древней книге примитивных ящеров, характеры были те же самые. Огрин даже не удивился, когда молчание первой нарушила Тау.

– Любопытный получился сегодня кьен... – заметила она слегка дрожащим голосом.

Янтарный в бешенстве ударил хвостом.

– Это ничего не доказывает!

– Он прав, Скай, – тихо сказал серебряный. – Все логично. Вот почему мы сразу ощутили гармонию с этой планетой...

Янтарный хрипло что– то рявкнул и, рывком, обернулся к Огрину.

– В книге, что ты упомянул, говорилось о родине драконов?

– О Дракии? – улыбнулся капитан. Все трое крылатых чуть не отпрыгнули. И воцарившуюся на сей раз тишину разорвать не решались очень, очень долго.

– Носители послеразума мыслят вне времени, – заметила наконец Хельга. – Если Дуагею создал кьен– человек, который родится лишь через миллионы лет, почему бы кьен– дракону из будущего не создать собственную родину в далеком прошлом относительно текущего момента?

Перламутровая драконесса нерешительно кивнула.

– Логично предположить, – выдавила она, все еще потрясенная открытием, – Что каждая разумная раса в Галактике была создана собственными кьен– потомками.

– Но мы были описаны в человеческой книге! – гневно возразил Скай. – Сами видите, как мы на них похожи!

– Минутку! – Яускас внезапно ахнул и шагнул вперед. – Вы похожи на нас?

Но, может, это мы похожи на вас?!

Он оглядел товарищей слегка ошалелым взглядом.

– Откуда мы знаем, что сами люди не были описаны в книге дракона, чьи кьен– потомки затем создали Землю? Ведь в нас так много общего!

Все потрясенно умолкли. Хельга недоверчиво потрясла головой.

– Люди творят мифы о драконах, потомки людей воплощают эти мифы в реальность... Но кто создает легенды о людях?

– Драконы, – тихо сказал Огрин.

Они взглянули друг на друга – сказочный капитан звездолета и не менее сказочная драконесса с прозрачными крыльями. И улыгнулись.

– Что ж, теперь я знаю, о ком напишу свой первый фантастический рассказ, – задумчиво протянула Тайга. Драко озадаченно взглянул на свой хвост.

– Да уж... – он фыркнул. – Придется основательно потрудиться, чтобы наши кьен– драконята его отыскали через миллион лет.

– Отыщут, ты за них не волнуйся, – заверила драконесса.

Огрин с громадным облегчением закрыл глаза, раскинул руки и упал спиной в траву, впервые с посадки чувствуя, как разум отдыхает от непрерывных испытаний. Рядом, бледные от пережитого волнения, опустились друзья.

– Тайга! – не раскрывая глаз, позвал капитан.

– Слушаю? – отозвалась драконица.

– Там, в рассказе... – Огрин тихо улыбнулся. – Напиши, что следующей остановкой человеческого звездолета станет самая прекрасная планета на свете.

Тайга лукаво склонила голову на бок.

– Вы ведь даже не видели нашей планеты.

– Ничего, – очень серьезно ответила Хельга. – У нас есть вся информация, чтобы догадаться.

Конец.

Райские птицы	1
Глава 1	2
Глава 2	8
Глава 3	19
Глава 4	26
Глава 5	37
Глава 6	55